

Сергей КОРОТКОВ

ИСТРЕБИТЕЛЬ

@ЭЛИТА

18+

Истребитель

Сергей Коротков

Истребитель

Электронное издательство "Аэлита"

2014

Коротков С. А.

Истребитель / С. А. Коротков — Электронное издательство
"Аэлита", 2014 — (Истребитель)

Он был очень молод, мало чего пока видел в жизни и ничуть не отличался от миллионов других парней в своей стране. Он не очень понимал, что такое микропроцессор, имел смутное представление о структуре правительства и содержании Конституции РСФСР, не разбирался в устройстве двигателя обыкновенного «жигуленка» и вряд ли сумел завести даже этот примитивный автомобиль без ключа. Тем более, не умел вскрывать сейфы, железные двери и не отключил бы сигнализацию, если бы такое вдруг потребовалось. Единственное, чем он владел в совершенстве – это искусством САВАТ...»... А еще его пытались научить изошренно устранять неугодные объекты, якобы во имя чести и чистоты Родины! И он устранял... но только начал это делать намного раньше и по собственной инициативе».

© Коротков С. А., 2014

© Электронное издательство
"Аэлита", 2014

Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Коротков

Истребитель

© ЭИ «@элита» 2014

* * *

*Посвящается
Сергею Викторовичу Мартьянову,
моему тренеру и духовному наставнику, ныне покойному...*

*«...Волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делай мировой,
Как снявши шкуру с них долой».*

Крылов И.А.

Пролог

Двое грузных лысоватых мужчин мирно беседовали, удобно развалившись в креслах-раскладушках. Третий, более сухощавый и стройный, в одних купальных плавках и с электронными часами на крепких запястьях, ритмично хлопал брезентом любимого спортивного снаряда. Широкое поле батута, туго натянутое специальными зажимами, сотрясалось от многочисленных падений и отталкиваний девяностокилограммового тела. Человек выкидывал в воздухе разнообразные кувырки, сальто и пируэты, падал гирей вниз, чтобы снова вспорхнуть на десять метров над уровнем пола. Рядом, в огромном бассейне, хихикали две девушки, щупая друг друга под водой и изредка бросая взгляды на всех трёх мужчин.

В зале, кроме этих персон, никого не было, а вот за дверью из красного дерева, в вестибюле, и на улице под большими окнами находилось по охраннику в штатском.

Люди в креслах, попивая настоящее немецкое пиво, беседовали, рассматривая товарища-акробата.

– Игорь Иванович, дорогой, а что мы будем делать с Шуменским феноменом? – спросил один другого, покрытого густой порослью волос буквально во всех местах.

– А что там такое, напомни?

– Ну, судя по всему, заказные. Дело, на мой взгляд, Игорь Иванович, очень тонкое! Действует какой-то спец, профессиональный киллер. Шесть местных из «ДЕСЯТКИ» уже на том свете, а мы ничего не знаем о нём! Но, Игорь Иванович, вы же знаете: за нами не заржавеет! Только чуть-чуть нужна ваша помощь, дорогой!

– Так. А кто там из наших?

– Сейчас никого! Точнее, «двойки» имеются, да Георгий Алексеевич недавно вернулся. Кое-что, думаю, он нам расскажет! А так...

– ...Что он там делал? – перебил собеседника Игорь Иванович, приобретая живой интерес к информации.

– Проездом. Летал на Дальний Восток, дело АО «Сибирьтранс» в Красноярске принимал, на обратном пути задержался в Шумени, завязнув с этими «десятьниками» и неизвестным их устроителем.

– Письменный отчёт есть?

– Ещё не готов, он только вчера вечером...

– ...Насколько я понимаю, дело не столь секретное, раз вы, Владимир Николаевич, не удосужились принять меры безопасности и не ускорили отчётность!? – говорящий отпил глоток свежего пива и взглянул на коллегу.

– О, нет, дорогой Игорь Иванович, насчёт этого не беспокойтесь! Не хватало, чтоб и у вас голова болела... – начал ёжиться в кресле «Николаевич».

– ...Значит, у вас она болит?!

– Да нет же! – начал надрываться на голосе «Николаевич». – Я вас уверяю, что всё в порядке. Уж по секрету вам скажу: кроме ваших, вся улица под наблюдением моих людей.

– Хорошо, хорошо, Владимир Николаевич, не кипятитесь! Из-за такого пустяка вы нервы себе треплете, – успокоил товарища Игорь Иванович, положив волосатую руку тому на плечо, – так что там про Георгия?

– Ой, вы знаете его! Он пока свою дочь не повидает, пока на любимом «трамплине» не напрыгается – ни о чём говорить не хочет и не может.

– Ишь ты!

– Вы посмотрите на него! Каков?!

Человек, называемый Георгием Алексеевичем, исполняющий обязанности агентурного соглашения и Ревизора, майор ФСБ Протонов, в очередной раз оттолкнулся от батута и ракетой взлетел вверх.

Вдруг раздалось два хлопка заряженных петард, брезентовый простор дёрнулся и с громким дребезжащим звуком исчез за одной из четырёх кромок массивной рамы. Тело бедняги с неприятным громким хрустом шлёпнулось на мраморную плитку пола, причём удар пришёлся на спину и затылок. Голова спецарента раскололась, вывалив в стороны кровавую кашу.

Двое наблюдавших за ним коллег вскочили с раскладушек; завизжали, как резаные, девочки, затрещала пропеллером крутящаяся батутная растяжка.

– Бляха муха! – мгновенно оценил ситуацию побледневший Владимир Николаевич.

– Акробат хренов! – процедил сквозь зубы Игорь Иванович, играя желваками.

Наступила мёртвая тишина, изредка нарушаемая всхлипыванием купальщиц.

Часть 1

Он был молод, мало чего видел в жизни и ничуть не отличался от миллионов других парней в своей стране. Он не очень понимал, что такое микропроцессор, имел смутное представление о структуре правительства и содержании Конституции РСФСР, не разбирался в устройстве двигателя обыкновенного «жигулёнка» и вряд ли сумел завести даже этот примитивный автомобиль без ключа. Тем более не умел вскрывать сейфы, железные двери и не отключил бы сигнализацию, если бы такое вдруг потребовалось. Единственное, чем он владел в совершенстве – это искусством САВАТ...

Ещё пару часов назад, узнав о гибели тренера, учителя и друга Сергея Викторовича, Никита захотел расквасить морду какому-нибудь фраеру, «крутому», фирмачу, или, как их называют сейчас, «новому русскому». «Вроде бы не за что, но если б было за что – убил!» – думал он, ошарашенный трагическим известием, выглядывая среди редких прохожих такую жертву. Напарник по спаррингам, Толя (друг Сергея Викторовича, работающий директором небольшой пиццерии около ДК) подробно рассказал о случившемся. Сам он узнал от коллег Серёги, а им можно верить. Этот сильный удар похлеще нокаута явился для Никиты, до этого бывшего в отличном расположении духа.

«Ты же знаешь, он на ОПЭГэшку работал!» – подытожил Толя, подпирая стенку. Да, это верно! Никита догадывался о такой работе тренера, и про себя осуждал это! Но такая проблемка не отталкивала его от учителя – в остальном тот был настоящим мужиком и настоящим человеком. Не имея специального образования, с ростом под метр семьдесят и художавыми данными, Сергей служил командиром в разведроте в Афганистане, получил ранения в лёгкое и голень, Красную Звезду и полдесятка медалей. После вывода войск устроился работать в школу учителем физкультуры, где его и встретил в восьмом классе Никита.

С тех пор, как Сергей Викторович стал по вечерам вести каратэ, рукопашный бой, САВАТ, парень не вылезал из школьного спортзала. Он был лучшим учеником у бывшего «афганца», так как и до этого занимался восточными единоборствами, но САВАТ – это что-то! Парень буквально влюбился в эту французскую борьбу, бокс на ногах. Имея хорошую пластику и отличную растяжку, Никита не имел себе равных. Но тренер учил не фехтовать, не махать и не прыгать, а бить наверняка, точно, быстро, сильно.

Уже учась на третьем курсе института, Никита продолжал занятия. Приходили и уходили новенькие, частенько бывали старенькие, но всегда присутствовал он, поклонник Сергея Викторовича и САВАТ. Отточенные мгновенные удары, выпады и взмахи, хорошая техника боя и автоматизм действий стали неотъемлемыми атрибутами в тренировочных спаррингах. Учитывая бойцовскую подготовку Никиты, его коронные приёмы ногами, Сергей начал обучать его ударам руками. Он показал основные приёмы и навыки разведчиков, бойцов спецподразделений бывших КГБ и МВД, избранные комбинации ударников спецназа, ОМОНа и просто лучшие варианты уличной драки. Мозг Никиты жадно поглощал информацию, а послушное тело исполняло приказы.

«Ты хороший боец, – говорил Викторович, – тебе не обязательно иметь большие мускулы и огромный торс! Вот таким тычком двух фаланг руки можно сломать переносицу... а внутренней стороной кисти или большим пальцем вырубить противника на три и более минут. А так... легко сбить человека любой комплекции и уложить надолго, только удар должен наноситься именно в кадык, вот этим местечком между большим и указательным пальцами. Так запросто выбить...»

Он показывал, учил, заставлял терзать манекенов и повергать напарников. Казалось, тренер натаскивает Никиту для чего-то особенного, ответственного, страшного...

Потом Никита случайно узнал о новой работе тренера. Оклада преподавателя тому явно не хватало, и он стал подрабатывать... рэкетом! Затем, вдруг, идёт молва, что он состоит в должности начальника охраны и службы безопасности в соседней области, где-то в Серове или Ивделе, в одном АО. Тренировки становятся реже, короче, Сергей Викторович – сдержанней и суше в отношениях с друзьями, Никитой, ссорится и разводится с женой, чаще пропадает в «командировках». А дальше...

...Два часа назад Толя поведал об обстоятельствах гибели Серёги. Его нашли в небольшом грязном озерце севернее Екатеринбурга. Экспертиза установила, что Викторovichа сначала ударили железным предметом по затылку и почти одновременно ножом в бок. Многочисленные раны и ссадины, изуродованное тело, говорили о жестокой борьбе с неизвестными. Напоследок выстрелили в сердце и утопили в уральском сточном водоёме. Больше ничего не нашли после «толковища» – ни орудия убийства, ни следов, ни свидетелей. Кому-то он очень насолил, где-то очень перегнул палку!

В тяжких думах и воспоминаниях, в мрачных представлениях о картине убийства тренера, Никита не заметил, как очутился возле входа кафе-бара и соседней танцплощадки, откуда доносился ритмичный дробовой гул ударников. Затуманенным взглядом он окинул рекламную вывеску и направился внутрь, навстречу Судьбе...

В проёме входа возвышался охранник – парень спортивного телосложения, лет на пять старше Никиты, в китайской клетчатой рубашке с закатанными рукавами и «Левайсах». На боку висела специальная короткая телескопическая дубинка с пластиковым шариком на конце. Трёхдневная щетина на скуластом серьёзном лице, видимо, вызывала восторг у посетителей, но не у Никиты. Он терпеть не мог всякую растительность на физиономии, тем более запущенную.

– Сколько? – тоном нереального завсегдатая спросил Никита, залезая рукой в карман джинсовой сорочки.

– Червонец, – таким же голосом ответил парень, невольно напрягая пресс и вчитываясь в глубокомысленные глаза пришедшего.

Никита ехидно хмыкнул, расплатился и направился в сторону туалета. Там, справив малую нужду, он долго стоял возле раковины с бурлящим водоворотом и шумящим краном, изучал себя в зеркале и придумывал дальнейшие действия. Мысли не утешали его: хотелось вдрызг напиться, наплевав на всякие табу, да подцепить девчонку какую-нибудь, чтоб хоть потанцевать под грохот «культурбит».

Наконец, придя к окончательному решению, Никита выключил кран, вытер о носовой платок ладони (предметами гигиены в общественных местах он избегал пользоваться, да таких и не нашлось) и развернулся идти, как уткнулся в человека. Парнишка лет восемнадцати, худой от рождения и ещё более тощий в кожаной маломерке с кучей заклёпок, в дерматиновой перчатке на правой руке «а ля хэви метал», где вместо козынков торчат алюминиевые шипы, а запястье стянуто блестящей железной скобой, хрипло пробурчал:

– Земляк, закурим?

– Как? – сморщился в лёгкой иронии Никита.

– Наша «А» есть? – проскрипел парень.

– Нашей «А» нет, и была бы вдруг, да не для тебя, чувачок!

– А... если подумать? – с ноткой возрастающей злости спросил поклонник «хэви метала», сжимая шипованный кулак.

– Братан, я устал! – сказал Никита, не удосуживаясь принять стойку уличного бойца. Он молниеносно выкинул кулак, пробив парню «дыхалку». Тот загнулся и взорвался оглушительным кашлем, а Никита лёгкой, едва заметной подсечкой помог ему опуститься на грязный кафель.

– Наверное, я очень груб и дерзок, но, пожалуйста, не проси у меня больше ничего! Я всё равно не дам, – чётко проговорил он, вспомнив фразы голливудских киногероев.

Затем вальяжной расслабленной походкой он направился к выходу. Около туалета то ли его, то ли своего дружка, поджидали ещё двое. По манере поведения и одежде они ничем не уступали первому.

Никита сразу «загрузил» их, не спеша проходя мимо и тем самым взяв инициативу в свои руки:

– Братва, там вашему другу плохо! Рвёт его.

Ошарашенные наркоманы кинулись внутрь «сортировальни», а Никита подмигнул брюнетке, кого-то ожидающей возле танцзала, и жестом головы показал на кафе-бар. Ответа на мимику не последовало, и он, ничуть не унывая, прошёл в открытые двери «харчевни».

Забегаловка была так себе, обслуживание тоже, а выпивка и хавчик чуть получше. Полутёмный с редкими неоновыми фонариками зал в сто сорок квадратов не отличался новшествами и многообразием мебели и оформления. Такое Никита видел в десятке других ресторанчиков и кафе-баров, разве что помещение разделялось на две части невысокой ступенью. Одна половинка зала ещё состояла из нескольких отдельных кабинок, сделанных из тёмного оргстекла в форме букв «П». Напротив этой «гребёнки» располагалась стойка с засыпающим барменом и разномастной стенкой стеклопосуды, заполненной алкоголем. Освещение этой части кафе-бара было столь интимным из-за нескольких красных бра, что Никита невольно потянулся туда.

Но на ступени, разделяющей фешенебельный холл и простоялюдинский зал, его встретил долговязый официант.

– Молодой человек, туда нельзя!

– Ты как тот врач, который не пустил меня в инфекционное отделение к другу! – улыбнулся Никита.

– Может быть, но пройдите лучше вон за тот столик, – голосом запрограммированного Робокота молвил официант.

– Ладно, кончай указывать, я пришёл отдохнуть, посидеть, подумать, и сам знаю, куда приземлиться! – Никита царским жестом достал из кармана помятую пятидолларовую купюру и сунул в накрахмаленный карман долговязому. Тот уплыл в сторону, жестом приглашая наверх.

Никита занял одну из кабинок, развалившись на массивном мягком стуле. Он окинул взглядом ещё три таких же, полированный пластик столика, японский гобелен с хрусталинкой бра над ним, и стал ждать меню.

– Алка, отнесёшь заказ парнишке в третью, да раскрути его на капусту! У него, по ходу, баксы есть, если не чморики, который шивую стипендию обменял в валютном, – приказал Хубба девушке в красно-белой униформе официантки. Он внимательно разглядывал Никиту из-за столика и самого бара, не переставая мять в мускулистой руке эспандер. Огромные челюсти местного вышибалы усердно месили жвачку, и в такт жеванию плавал на гладковыбритой левой скуле двухгодичный шрам.

– Ладно, – бойко бросила Алла, радуясь своей мизерной доле с очередного дельца, финалом которого станет шмон этого русого парня в третьей кабине.

Она шагала к нему с подносом, наполненным не столько кучей жратвы, как заказывают многие здесь, сколько изысканными закусками: икра, балычок, спинка, сервелат и зелень, порция «Наполеона» да минералка. Для студента это очень шикарно, а в том, что он студентик, Алка не сомневалась.

Намеренно чётко завивая задом, хотя лучше сказать, попкой, так как её пятая точка была изумительна, она подошла к Никите, отметив его изучающий взгляд. Глаза его горели недобрым огнём, но лицо оставалось серьёзным и чем-то озадаченным.

– Ваш заказ, пожалуйста! – ласково произнесла Алла, выставляя еду на столик и грациозно изогнувшись.

– Спасибо, милая! – Никита отложил меню, до этого раскрытое перед ним, и заметил ожидание на симпатичной мордашке официантки. – Чё, оплата шас?

Он вынул из кармана портмоне, которое хотя и выглядело туго набитым, но содержало больше разных записок и визиток, чем денег, и покрутил им в воздухе.

– Не сейчас, потом, – остановила его Алла, двусмысленно подмигнув, – ещё что-нибудь желаете?

Тогда Никита решил идти напролом:

– Я бы ещё одно блюдо заказал... – Никита шепнул что-то французское.

– О, это по спецобслуживанию! – не растерялась официантка, но густо покраснела. – Сейчас мне нельзя, а потом, как закончишь...

– ...Когда я закончу, мне уже не надо будет такого блюда, – улыбнулся Никита, принимаясь за трапезу, и добавил, – я шучу. Иди, спроси у своего босса, разрешит он тебе или нет!

Алла ещё гуще покраснела, чего не случалось даже тогда, когда она первый раз делала то, что просил парень. Она фыркнула, но ругательство застряло в горле, развернулась на коротких каблучках и пошла докладывать Хуббе.

Бармен, от зоркого взгляда которого никогда не ускользало ничего подобного, усмехнулся: парень обречён. Ему дадут доужинать, выйти на улицу, а уж там Витяй с Боксёром обуют его, как щенка. Да ещё звездюлей вставят. «А портмонуха у него толстовата... даже чересчур!» – подумал он, почесав на щеке пробивающуюся щетину, не догадываясь, что через какие-то семь-восемь минут будет лежать своим красивым личиком в луже крови и разносортного алкоголя...

...Опрокинув рюмку бренди в рот, Никита сунул туда же веточку петрушки и лепесток балыка, а в следующую секунду заметил в кафе-баре новых посетителей.

Трое вошедших обратили на себя внимание пары десятков глаз. Первые двое парней внушительных размеров, в драповых коротких курточках и «адиковских» штанах, развязно подружили к вышибале, а третий, в котором Никита узнал знакомого по туалету металлиста, кривлялся и что-то бормотал. Сразу видно: парень только что принял дозу, а теперь приставал к одному из двух верзил, подёргивая того за рукав куртки. Увалень спортивно-ркетного вида не обращал на Гемороя внимания, а глазами раздевал Алку, принимавшую плату у одного из клиентов. Дружок его, Бык, еле слышно переговаривался с Хуббой, безмятежно раскинувшись на стуле.

Никита, естественно, не знал ни Хуббу, ни двух других – Быка и Боксёра, мирно обсуждавших что-то, он видел наркомана в «коже» и предчувствовал, что сейчас будет. И, как всегда, мозг тотчас начал анализировать ситуацию. Тело готовилось к схватке – то расслаблялось, то наливалось напряжением и силой. Нужно было чувствовать каждую его часть, точку, клеточку. Глаза шарили в поиске вспомогательных предметов. Короче, организм проводил привычную аутотренинговую подготовку, медитацию, какую обычно делал все прошлые разы.

Никита, заметив крошки на вельветовых джинсах, смахнул их ладонью, окинул оценивающим взглядом туфли – «трайлеры» с глубоким протектором – лёгкие (не под стать чудовищному виду и 44-му размеру), крепкие, удобные.

Интуиция, всегда помогавшая ему, не подвела и здесь. Оpozнание его наркоманом было отмечено громким вскриком и отборным матом, огласившим помещение забегаловки.

– Бля буду! Это ведь он, – кинул парень своим друзьям и неровной походкой направился в сторону Никиты, – ага, вот ты где, курва, а я тебя в танцзале ищу!

Бык и Боксёр медленно последовали за своей «шохой» с напутствиями:

– Геморой, дай пацану похавать!

– Давай, дрищ, накорми его!

Никита мысленно отметил их высказывания, оценил тревожную ситуацию, и понял, что делать. Все в обоих залах – и гости, и Хубба, невозмутимо восседавший в прежней позе, испуганная Алка и ухмыляющийся бармен, обслуга кафе-бара – все затаили дыхание в ожидании развязки, которая не заставила себя долго ждать.

Геморой приблизился к кабинке своего ненавистного врага, сверля его гневным взглядом, рывком что-то вроде: «Сидит, придурок, ест спокойно! Лох гавённый!» В следующий момент он чуть развернулся к товарищам корпусом, как бы дав им возможность созерцать дальнейшее, а рукой, пестрящей наколками, ухватил бутылку минералки и, широко размахнувшись, двинул ею по голове обидчика.

Но всего доля секунды понадобилось Никите, чтобы уклониться, и стеклянное оружие разлетелось вдребезги о высокую спинку стула. ещё секунда – отодвинулся стул, а мощный полуботинок сильно ушиб нападающему колено, затем Никита, руками сделав лёгкий упор в столик, с наклона боковым ударом ногой в голову отправил Гемороя в сокрушительный зрелищный полет. Наркоман мешком рухнул на ближний столик, разметав посуду, закуски и влюблённую парочку, поспешившую мигом убраться подальше. Тело его прокатилось по пластиковому покрытию и, окутанное турецкой скатертью, исчезло за столом.

Молчание длилось буквально полминуты.

– Звездец тебе! – разорвал тишину Бык и кинулся на стоящего возле своей кабинки Никиту. В его секундном выпаде сквозила давнишняя, но тщательная подготовка самбиста или дзюдоиста, опыт борцовых поединков и недюжинная сила. Вот только зря он решил нанести не свой, не родной, слегка заученный удар ногой, в каратэ называемый «маваши».

Никита стремительным блок-ударом ноги из САВАТ в воздухе опередил соперника, остановил, поразил кость голени и сразу, присев и развернувшись юлой, провёл подсечку. Бык жёстко и тяжело грохнулся на пол, головой стукнувшись о стул.

Его сменил Боксёр, ловко и профессионально из стойки нанося правой крюк, но ещё более ловкий и мгновенный удар «трайлером» в полусогнутую руку выбил её из плечевого сустава, а следующим ударом правой ноги в левое ухо Никита поверг противника в нокаут.

Всё произошло так быстро, что никто не заметил технично выполненных приёмов САВАТ, только глухие удары и громкие падения тел. Опять в заведении повисла гробовая тишина. Даже бармен за стойкой застыл с аудиокассетой в протянутой к музыкальному центру руке. Никита, выдохнув и поправляя рубашку, подошёл к бару.

– Налей, дружок, чего-нибудь! – попросил он, игнорируя бармена взглядом и рассматривая зал с окаменевшими людьми.

Но вот где-то рядом раздалось:

– Земляк, ты чё буянишь?

Поднялся во весь двухметровый рост Хубба и, разведя руки в как бы недоумённом жесте, стал приближаться к парню. Никита, вздрогнув, повернулся лицом к новому нападающему (сомнений в том, что здоровяк сейчас атакует, не было) и уже напрягся в преддверии приёма.

Но тут один из секторов зрачка уловил в стеклянном покрытии массивного миксера нехорошее отражение – нападение сзади, чуть справа. Никита, вскидывая в блоке руку, оглянулся. И одновременно негласный помощник правопорядка за стойкой нанёс удар бутылкой, метаясь в затылок парню. Никита захватил сцепом предплечье бармена, но вылетевшая из ослабленной руки бутылка «Довгани» больно шмякнула по шее, упала и расплылась лужей водки и кучей осколков рядом с бессознательным Гемороем.

Рывок – и бармен, до смерти напуганный и бледный, вылез на стойку, короткий прямой – и губы, зубы, челюсть чвякнули и брызнули кровью. Толчок, разворот на сто восемьдесят – и ударом стопы в нос бедняга отправился в грохочущее падение прямо на полки с напитками и хрусталём. Обратный разворот, отскок с блокировкой – и ботинок вышибалы вбил в стойку бара с убийственной силой, но пустой и роковой.

Никита левой голенью тотчас зацепил ударную ногу атакующего, зажим, резкий поворот, и рифлёная подошва «трейлера» попала в шейные позвонки. Хубба глухо ойкнул, отшатнулся и слизняком сполз на пол, рядом с Быком и опрокинутой мебелью.

Зал, встретившись взглядом с «крутым» парнем, врассыпную устремился к выходу. Алка, ахая и причитая, попятилась за служебную дверь, официант тоже куда-то слинял, а из второй кабинки, выпучив глаза, выглядывали двое кавказцев и блондинка в мини.

Никита, избегая дальнейшего, ненужного ему фотографирования, поспешно засеменил к служебному выходу, оттолкнул заохавшую от страха Аллу, пробежал коридор, подсобку и вскоре очутился на свежем воздухе.

«Теперь бы не мешало расслабиться по настоящему, – думал Никита, аршинными шагами меряя тротуар, – камень с души снять!» А сделать это могла лучше всех Татьяна. Поэтому парень и следовал в сторону её дома.

Вообще-то настоящих подружек у него было немало. Ну и, естественно, Татьяна, с которой через полмесяца будет зарегистрирован брак. Её Никита любил. Обожал. Познакомились они в институте, при поступлении. Потом оказалось, что учатся они в одной группе, оба метят в буровики. Значения тогда большого друг другу не придали, потому и сблизились только через пару лет. Никита уже прошёл огонь, воду и медные трубы, гусь был тот ещё, да и Таня испытала до него прелести интима.

Но здесь было что-то необычное, отличное от остальных его походов. Все подружки, встречи и увлечения отодвинулись на второй план, а главенствующее положение заняла эта невысокая, хрупкая, слегка веснушчатая девушка с огромными зелёными глазами и светлыми густыми волосами.

Как всё началось, никто не помнит. Первые поцелуи, свидания, гуляния на свежем воздухе. Но, нужно отметить, в постели они оказались не сразу, что для бабника Никиты и испробовавшей вкус первой близости Татьяны явилось неожиданным. Но зато что началось после! Два жаждущих, оголодавших, ненасытных зверёныша мёртвой хваткой вцепились друг друга и овладевали телами с бешеной страстью. И, тем не менее, оставалось место для платонической любви, как бы из приличия, по крайней мере, со стороны Тани.

И вот уже скоро, в ноябре, они должны были обвенчаться – молодые, счастливые, жизнерадостные пятикурсники, выбиравшие для будущей профессии необычную, но по-сибирски настоящую специальность. Зачем Татьяне нужно спецобразование, было непонятно, да и Никита чувствовал, что на Север уже не поедет, бурить и добывать стране нефть и газ тоже не будет. Пока у него есть планы, есть отличный шанс заработать деньги, и есть интерес. И пусть это для всех Тайна, но один Никита знал, что это и есть его Призвание. Страшное, рискованное, может быть, нехорошее, но сейчас именно в нём он видел смысл жизни. И именно этим должен будет заняться он – будущий киллер экстра-класса, Топорков Никита Сергеевич.

Разметав полчаса назад в «харчевне» нескольких кентов, направляясь заниматься сексом, Никита рассуждал о своих намерениях, строил смутные планы, сопоставлял их с ночными сновидениями.

Последние месяцы его обуревало желание стать профессиональным киллером, убийцей по заказу, ликвидатором. Эта сумасшедшая мысль нежданно-негаданно зародилась, постепенно разрослась до масштабов осуществления не во снах, а наяву, и теперь полностью овладела человеческим разумом.

Никита чувствовал, что тело не слушается его, мозг сопротивляется, душа рвётся. Наверное, так люди становятся маньяками, ворами и самоубийцами.

Если раньше молодой мозг впитывал бесконечный Развал, социальные Неурядицы, политический и нравственный Крах, военные перевороты, терроризм, Чечню, обострение криминальной ситуации, беспредел в магазинах, на улицах, в стране – и при этом сочувственные

взгляды Запада, – то сейчас, после убийства идеала, кумира, учителя, после очередного столкновения лицом к лицу с «элементами беспредельщины» он не выдержал.

Что он может сделать с этим Миром один – дилетант, простой молодой русский парень? Никита не знал, но то, что он возьмётся за Великую Чистку, это было без сомнений! И чем бы ему ЭТО ни грозило!

С такими мыслями парень очутился возле старой серой «хрущёвки» Татьяны. Теперь, предчувствуя всеми клеточками организма надвигающееся наслаждение, Никита ускорил шаг и улыбнулся, увидев знакомые окна. Воспалённый мозг сразу притих и сдался под мощными сигналами другого, более властного и всемогущего голоса, звучащего из иной части тела.

Она намеренно торопила себя, услышав звонок; вытерпела его горячий поцелуй, сдержалась, когда в комнате, обнимая, он шепнул: «Милая, я соскучился!», но только он крепко стиснул её в объятиях и жарко дыхнул в ушко, как она взорвалась любовью и ласками. Её проворные пальчики ловко освободили тело от одежды, поцелуи участились, усилились до покусывания, изящные руки, словно ожившие лианы, опутывали плечи, шею, руки и спину. Никита прижал одну руку к её лобку, а другой пощипывал соски маленьких грудей. Татьяна томно вздохнула, затем откинулась на мягкий подлокотник дивана, обеими руками обняв Никиту. Постепенно она придвинулась к любимому и уселась тёплыми ягодицами на его бёдра. Никита уже понял, какую позу она хочет принять для прелюдии, поэтому полностью поддался ей. С жадностью голодного зверя он накинута на её груди. Великолепные острые сосочки налились кровью, опухли и онемели, но Никита знал, чего они в этот момент хотят. Его пальцы стали тискать и мять эти бугорки Венеры так, что Таня застонала, а потом зарычала, извиваясь всем телом. Сменив руки на губы, язычок, и опять обратно на руки, парень не забывал и про остальное.

Его указательный палец задел её сокровенное место. Никита всё больше возбуждался и воспламенял девушку, хотя видел, что она уже дошла до кондиции. Таня настойчиво пыталась оседлать его, особенно после вампирских поцелуев. И вот, исхитрившись, приподнялась и с криком боли и радости насадила себя на мужскую плоть. Никита ощутил, как по её телу пробежали волны и кожа покрылась россыпью мурашек. Захотелось тут же закончить, но он с трудом сдержал себя, облизнув высохшие губы и переводя дыхание. Несколько секунд оба неподвижно сидели, чувствуя друг друга внутри и снаружи. Казалось, они растворились и смешались.

Но вот они отдохнули и, словно опомнившись, бросились в атаку! Это была долгая жестокая битва! Это была некая бойня! Таня рыдала и кричала, когда он за ягодицы приподнимал её стройное лёгкое тело и с силой опускал обратно, вдавливая в себя. Она блаженно стонала и захлёбываясь дышала, если Никита ёрзал своими бёдрами по круговой, а в это время чуть ли не полностью заглатывал её груди, набивая рот розовой нежной плотью. И, наконец, девчонка буквально завизжала от восторга, как только Никита взорвался. Оба тела забились в судорожной агонии, ногти впились в спины.

Никита стойко переносил боль от недлинных, но остреньких ноготков, бороздивших кожу онемевшего тела. Так не хотелось выходить из соития, поэтому влюблённые долго сидели, тяжело дыша и крепко обнявшись. Их потные стройные фигуры слились и изредка вздрагивали – так накалились. И тут оба повалились на измятое покрывало и позволили себе расслабиться вдоволь. Таня мгновенно заснула, сладко улыбаясь, а Никита, борясь с усталостью, отдался воспоминаниям...

Никите тогда неслыханно повезло. Он работал охранником в крупнейшем нефтяном концерне, в самом главке – колоссальном (по Шуменским меркам) четырнадцатизэтажном красивом здании. Красивом – от обилия зернистого гранита, зеленоватого мрамора, солнцезащитного стекла и суперсовременного дизайна. Идеальные цветочные клумбы и газоны, хорошо ухоженные и пестрящие разнообразием флоры, упрятанные в ровных рядах декора-

тивных кустов скамейки, огромное шикарное крыльцо, манили по вечерам прохожих и любовные парочки. Здесь же частенько по объявлениям шуменских газеток назначали свидания и встречи типа «одинокое». Интерьер и отделка внутренностей этого сооружения изумляли и восхищали не меньше внешнего вида.

Смена Никиты состояла из таких же простых и обыкновенных парней: двух мужиков тридцати лет от роду и его двадцатидвухлетнего сверстника Игоря. Никита был старшим смены, и вся ответственность лежала на нём. Он ничем не выделялся среди напарников – такой же худощавый, стеснительный на вид, но только он знал, что при своих ярко выраженных трицепсах, жилистых ногах и способностях рукопашного бойца, мог быстро и легко завалить любого из них, а то и всех сразу. Но вёл себя Никита так, что никто и не догадывался о его скрытом таланте и мастерстве.

В обязанности постовых дежурных входили контроль за порядком и безопасностью в здании, проверка и пропуск служащих и посетителей по спецдокументам, охрана материальных ценностей главка. После шести вечера в здании, кроме поста, никого не находилось.

Но, несмотря на казалось бы лёгкую обыденную работу, имелись некоторые «проблемы и проблемки». Нелепые требования стоять по стойке «смирно», запрет на курение, на чтение на рабочем месте, вечносуточная «приказная» бессонница и т. д. и т. п. ... А самое поганое и несносное в этой всемирно-известной «компании» – задержки по выдаче зарплаты на четыре месяца. Свои кровно заработанные полмиллиона Никита и его ребята не могли увидеть в течение трети года. Кроме этого: не успел доложить начальству или показался наутро заспанным, волосы чуть лохматые или не вовремя позвонил в дежурку с докладом – вычитают с зарплаты такие проценты, какие вздумается.

А в это время генеральный директор АО с мировой славой и чистой репутацией строит сыну коттедж, меняет автогардероб, закупает «для служебного пользования» за границей иномарки, вкладывает казённую валюту в иностранные банки и прочее, прочее, прочее.

Обстановка среди обслуживающего персонала стремительно накалялась. Люди роптали, открыто бранились, кое-кто пытался выиграть «моральный ущерб» в народном суде. Смешно! Чересчур выпивший дядя Ваня, водитель автобуса, не выдержал, заорал благим матом, что продаст государственный «мерс», купит гранатомёт и подловит «Генерала» в его шикарной машине. А Генерал – директор концерна Мегафаров Булат Юсупович – в эту минуту преспокойно бултыхался в лучшей сауне города вместе с мэром Шумени, парой своих замов и тремя западными инвесторами.

Тогда-то и затаилась в сердце Никиты злоба на всех «шишек», боссов, партийных и мафиозных главарей.

Потом, мысленно прокручивая варианты всевозможных покушений, пыток, ликвидаций, словом, способы «массовой Чистки» Шумени от теневой власти, Никита случайно узнал об истинном руководстве города. Крестного отца по кличке «Ганс», удравшего в США, сменила новая сильная структура – «ДЕСЯТКА». В эту систему входило десять человек: воровские авторитеты, бывшие партийные руководители, нынешние представители правопорядка, супердельцы теневого бизнеса, заgrimированные под директоров государственных предприятий и «чистых» АО.

И уже тогда Никита подумал, что человека, предоставившего ему список и сведения о «ДЕСЯТКЕ», нужно убрать. Потому что об этом знал далеко не каждый смертный в Шумени, да и для конспирации ликвидация «канала связи» была необходима.

И тут Никите так повезло!

Накануне предвыборной компании на предмет определения главенствующей стороны в Госдуме, в Шумень приехал со своей программой и пропагандой лидер одной национал-либеральной партии страны, прозванный в народе «брызгослюном». Со своей ораторской речью он

решил выступить возле ДК, на асфальтированно-озеленённой площади 50-летия Победы, что напротив высотного главка, где в этот воскресный день дежурила смена Никиты.

Сначала парни из охраны хотели поприсутствовать на этом «зрелище», в толпе сподвижников оппозиционной партии, но это было чревато. В любую минуту могли нагрянуть с проверкой «смотрящий» или ещё кто из службы безопасности. Так и получилось!

За полчаса до выступления «партийной звезды» появилось начальство. Провело быстрый осмотр, инструктаж, отдало беглые распоряжения, и исчезло.

Сказали на прощание, что охрана партбосса связывалась с ними, прощупывала насчёт надёжности и прочности дежурного поста в здании. Мало ли!

Никита оставил парней наблюдать за митингом «лапшеухих» через стеклянный витраж первого этажа, где находился главный вход контрольно-пропускной системы, а сам на шикарном шестнадцатиместном лифте отправился наверх, уверенный в том, что с десятого этажа будет всё видно, как на ладони. Постукивая резиновой дубинкой (единственным средством защиты в СБ) по ладошке, ощущая дополнительные силы и спокойствие, он очутился на нужном этаже.

Выйдя из лифта, Никита внезапно и резко стал парировать в воздухе дубинкой, на миг представив картину нападения на него террористов. Воображаемые «головорезы» после серии ударов, конечно, были повержены, а герой, одёргивая бордовый пиджак и поправляя галстук, направился по длинному коридору. Толстая, с длинным ворсом, ковровая дорожка заглушала шаги, а сумерки коридора и тишина тянули к чему-то приключенческому и таинственному.

«Пожалуй, здесь! Отсюда лучше будет видно всемирно известного «скандалиста», – подумал Никита, доставая из кармана связку запасных ключей, обычно хранящихся на вахте «дежурки» под суровым запретом неприкосновения. Очень уж хотелось поглазеть на человека, обвиняемого народом в гомосексуализме, дебошах, циничных высказываниях и при этом занимающего пост лидера партии.

Привычным отработанным движением Никита отомкнул замок, вошёл в просторное двухкомнатное помещение зама по материально-техническому снабжению, аккуратно и тихо прикрыл за собой дверь. И тут хорошо развитым обонянием охотника почувствовал лёгкое дуновение застоявшегося кабинетного воздуха, еле заметную свежесть.

Внимательный скоротечный осмотр и моментальные выводы насторожили: стопроцентно в смежной комнате приоткрыто окно, как и обитая кожей дверь, девяносто процентов уверенности, что там что-то шебуршит, восемьдесят из ста: в соседнем кабинете кто-то есть. Эта мысль прожгла мозг парня раскалённой спицей, тело сжалось в струну, в ногах неприятно зашекотало. Он лихорадочно думал о дальнейших действиях. «Кота сгубило любопытство!» – так примерно гласит английская пословица. И это отчасти верно!

Как рысь перед прыжком, Никита собрался в точку и напрягся перед рискованным броском на неизвестного, чьи шорохи отчётливо раздавались в трёх метрах, разделённых незакрытой дверью. И эти шорохи душераздирающими поскрёбываниями отдавались в голове.

«Сказать «Что вам здесь надо?» или «Руки вверх» – это абсурд! Выждать, что он будет делать – тоже дурацкая идея! Может, сразу выпроводить силой? Пожалуй, этот кадр тут неспроста! Чё ему надо? А-а...»

Ещё одна спица вонзилась в серое вещество: «А может быть, он киллер?! Митинг! Неудобный оратор-агитатор! Высота, окно, маскировка! Снайпер! Под шумок! И наутёк».

«Чёрт!» – Никита прикрыл веки. Кулак невольно до боли сжал дубинку. «Прости меня, Господи!» Короткий мысленный клич. Рывок...

Бутаков был родом из Горно-Алтайска. Школа, институт, работа в «ЛесдревНИИ». Женился, родилась дочь. После пожара и ужасной гибели семьи в сгоревшем доме его, душевно разбитого и отрешённого, «забирают» люди из органов. Дурацкое предложение майора Шуле-

пова, причём не просьбы – приказы. Сухая жёсткая обработка. «Я никогда не стучал, не подчинялся!.. Что? Согласен!.. Я никогда не убивал! Нет. Нне-ет! Согласен, ладно!.. Учиться? Чему? Да, я согласен!»

Так, непонятно почему и зачем, но в результате чьих-то манипуляций, Бутаков Сергей Фёдорович стал агентом КГБ, затем старшим «группы физического воздействия «энного» подотдела управления госбезопасности». «Самостоятельная боевая единица». Упразднение структуры, перемены, переводы, перестраховки. Спецздания. Ангола, Афганистан, Югославия, Чечня...

Чечня! Господи-и... В Чечне чуток задержался. Нелегко там выжить, сложно обезопасить тылы, много работы!

БСР – боевой самостоятельный расчёт. Приказ – исполнение, заказ – выполнение. «Бондарь» – такой позывной получил Бутаков, оказавшись в списке служащих «энного» подотдела уже ФСБ России. И так значился в секретных приказах с пометкой «Архивных данных не имеем. ОВ». И над буквой «В» – значок герба РСФСР.

А работа была всегда, прямо кипела. А как же?! В стране напряжёнка, «левых» полно, неугодных ещё больше! Чик – и нет цели в окуляре. Чик – исчез кадр ночного прицела. Чик, чик...

...В Чечне выжил, выкарабкался, набрался опыта.

А здесь, на гражданке – «спецзаказ, ОВ». И расслабился, урод!..

«Звиздец моей гнилой душонке!» – успел подумать Бондарь, ощутив резкую боль сломанного ребра и на миг потеряв ориентацию. Натасканный опытный профи мгновение назад учуял волчьим нюхом постороннего за спиной, чуть раньше, чем услышал лёгкий прыжок. Мысли о «Молнии» в рукаве, стремительной и смертельной, как сама смерть, о блоке от нападения, ударе ребром в молодое лицо – последние здравые мысли тут же потухли во взорванной боли голове.

Череп хрустнул, голова запрокинулась, повреждая шейные связки, тело дёрнулось от нового удара дубинкой, но палец, ещё недавно лежащий на спусковом крючке снайперской винтовки, метнулся навстречу противнику.

Хитрый, тренированный приём киллера чуть не лишил Никиту глаза (спасла отличная спортивная и охотничья реакция), палец острым ногтем в кровь разрезал губу. Никита опешил, и это его чуть не сгубило. Профессионалу, даже агонизирующему, не составляет труда отправить на тот свет любого подвернувшегося под руку. Это как последний выпад вроде бы убитой змеи!

Ещё взмах – и молодой организм чуть не остался без ключицы. Следующий удар наотмашь провалился в пустоту, а испуганный уклон в сторону спас парня от будущего медицинского диагноза «смерть в результате потери крови».

На безумие обречённого незнакомца Никита ответил серией известных ему приёмов. Выбитый кадык мгновенно убил Бондаря, а треснувшая височная кость оказалась уже лишним последствием действий озверевшего противника. Всё было кончено!

Никита сидел в офисном кресле, изредка промакивая носовым платком ссадины и массируя отёкшее предплечье, лоб, пальцы, грудь. Он бросал мимолётные взгляды на тело поверженного бойца, открытый кейс, разбитую пепельницу, оружие, закреплённое в треноге перед полузашторенным окном, на опухшую ударную фалангу руки, снова на труп. Сидел и недоумевал, как решился, выжил, победил. Гадал о последствиях: сначала нужно инсценировать нападение грабителя, борьбу и самооборону.

Разбросать вещи, бумаги, сдвинуть стол, опрокинуть стулья – не составило труда, что Никита и сделал.

Так. Прикрыть жалюзи окон, сложить и убрать оружие и кейс, обыскать мертвеца, чтобы потом не заметили. Сказано – сделано. Дальше. Надеть на труп маску, которую Никита извлёк

из толстого дипломата. Надел. Хорошо, что крови не было на лице! Всё тщательно протереть! Чем? Нашёл! Салфетка обошла окно, мебель, вспомнил про дверь. Захватил кейс, оружие и вещдоки мёртвого сложил в полиэтиленовый пакет с изображением голых девок на мотоцикле, предварительно обтёр туфли, изучил свои следы на ковре в коридоре и кабинете. Кое-что лишнее убрал. Сгонял, запрятал вещдоки на девятом этаже, в потайном месте. Вернулся. ещё раз всё обмозговал. Расковырял замок, обтёр. Инструмент с пожарного стенда бросил в кабинете. По отпечаткам ничего не поймут – их нет. Минимально наследив, проверил работу. Успокоился. Кинулся к выходу, услышав оклики товарищей. Стал звать на помощь.

Окровавленный и измождённый он вывалился в коридор на глаза коллегам, прислонился к стене и сполз.

Игорь и Юрий рванули к нему, округлив зрачки и инстинктивно сжимая дубинки.

Вот таким случайным образом Никите достался целый арсенал боевого снаряжения. В комплект киллера входило спецоружие, о котором парень даже и не слышал. В мягких отсеках кейса покоились девятимиллиметровый, тридцатидвухзарядный «Ингрэм» с отделяемым глушителем и запасной обоймой, «штатовский» специальный пистолет-пулемёт ФМГ – простой, складной, двухкилограммовый смертонос, по одной гранате РГД-5 и Ф-1, два кубика пластиковой взрывчатки (на вид – хозяйственное мыло), три бутылки, судя по напечатанным надписям, яды, шприц, обойма толстых цыганских игл, «жучок», магнитный радиомаяк величиной с пуговицу, аэрозольный баллончик от собак, порошок в спичечном коробке и несколько специальных петард.

Разобранный «винторез» с оптическим прицелом, для вооружения снайперов спецподразделений силовых структур. Две обоймы по десять тяжёлых острых патронов латунного цвета.

С тела убитого также были сняты: газовый пистолет «Кобра», стреляющий автоматический стержень «Молния», патрон-авторучка, зажигалка «Козинок» с секретом, какие-то странные таблетки, подозрительные часы «Командирские».

А, самое главное, в рукаве бедняги Никита обнаружил СПП «Стерлинг Мк-7» с пламезвукогасителем. Это английское шпионское оружие удобно закреплялось на предплечье и снабжалось спусковой кнопкой. Мечта всех киллеров попала в нужные руки! Станным казалось одно: почему мертвец таскал весь этот комплект с собой, когда на «дело» обычно берут одно оружие, ну судя, конечно, по фильмам.

Не придав этому особого значения, Никита присвистнул, мысленно подсчитав цену всему «добру». Но продавать его он и не собирался.

Теперь можно и развернуться!

Молодой убийца тщательно перепрятал всё в комнате Татьяны, зная, что будущая тёща никогда туда не сунется. Кейс вывез за город и выбросил. Точнее сказать, кейс ликвидировался сам, запустив механизм самоуничтожения.

И на месте смертельного спарринга с убийцей, и при переноске в большущем пакете из-под турецкой дублёнки, и в квартире, парень так и не захлопнул дипломат до конца. А здесь, у дороги в лес, он ещё раз осмотрел предмет со всех сторон, и, догадываясь о предназначении пары кнопок под ручкой, надавил крышку до щелчка, широко замахнулся и запустил кейс в кусты придорожной рябины. Через тридцать секунд прозвучал взрыв. Вместе с дымом на холодную землю осела пластмассовая зола когда-то шикарного богатого кейса.

Никита хмыкнул и зашагал к тракту, ловить частников.

Он легко догадался, почему экспертная группа и следователь закрыли дело, ничего не раскопали, не заподозрили. Убийство, и правда, выглядело безупречно случайным и нечаянным. Налицо имелся грабитель, вскрывший окно со двора автостоянки и взломавший замок двери на втором этаже, маска, кабинет с дорогим хламом начальника, сцена драки, следы побоев у обоих, факты, алиби, свидетели. Всё говорило о попытке ограбления и самообороне

охранника, действовавшего по уставу местной СБ, ну, и по закону тоже. Эксперты-криминалисты и патологоанатомы доказали, что убийство не умышленное.

Никита при содействии начальника СБ Феденькова избежал неприятностей и даже был премирован на «лимон». Парень симпатизировал Феденькову: исполнительный, крепкий, порядочный работник Службы Безопасности. Ответственный, спокойный, без вредных привычек. Тем более у них был общий хороший знакомый, через которого Никиту и устроили на работу.

Мысль о том, что окно, где всё произошло, выходило на площадь, где выступал лидер оппозиционной партии, и вообще о попытке заказного убийства почему-то напрочь отсутствовала у следователя!

Всё лето Никита тщательно и осторожно готовился к Великой Чистке. На деньги, взятые у мёртвого киллера (а это две тысячи долларов США и полтора миллиона рублей) парень накупил картечных патронов к своей «ТОЗке» двенадцатого калибра, и долгими днями тренировался в лесу, за дачами. Бегал в спортивном костюме по холмам, кувыркался, прыгал, «качал маятник», падал, вскакивал и всё время палил из вертикалки по хитро расставленным мишеням. Стрелял Никита отменно! Сказывалась пятилетняя охотничья выучка любителя уток и рябчиков, школьная грамота со вторым местом в городских соревнованиях по стрельбе из малокалиберной винтовки, грамоты за отличную стрельбу из автомата Калашникова в клубе «Дружба» воинов-афганцев, из пистолета Макарова на военной кафедре университета.

Проводил отработку ударов на макиварах, метание импровизированных гранат, ножей, топоров, самодельных бумерангов и даже «звёздочек», сюрикенов.

Единственными, кто знал о его странных тренировках, были отец и родной брат Денис. Семнадцатилетний паренёк, любивший в жизни только технику и старшего брата, упорно и настойчиво наседали на Никиту с просьбами посмотреть, поучаствовать, поучиться. Но ни он, ни отец Никиты, не догадывались об истинных намерениях занятий. Всё хранилось в строгой тайне.

А Никита усердно и методично стрелял, бил, метал!

Парень приобрёл кучу дешёвой одежды и обуви для одноразовой носки, парики, косметику, необходимые принадлежности для грима, несколько сумок и пакетов различной формы, эластичные бинты, вату, очки, медицинские перчатки, газовые баллончики и ещё всякий хлам, столь необходимый в предстоящей опасной работе. Достал дымовые шашки, петарды, заряды, наручники – всё на «чёрном» рынке. Подделал документы на имя лейтенанта Савина из инженерно-технического отдела управления МВД Шуменской области. Для этого Никита использовал старую красную «корочку» городского клуба воинов запаса и давно найденный братишкой пропуск в УВД области настоящего лейтенанта Савина. На руках был ещё и документ на имя сотрудника ФСБ Колонкова, «прихваченный» у мёртвого киллера.

Да уж, в мире случайностей и погрешностей эти случайности часто помогали и Никите! Помог ему и покойный Бондарь.

Вскоре пришлось продать музыкальный центр, видеоманитфон, и, по объявлению в газете, один из трёх дачных участков, после обещаний родителям вложить деньги в банк. На самом деле на вырученную сумму Никита приобрёл лёгкий турецкий кевларовый жилет.

Но ещё очень многого не хватало для успешной реализации своих идей! Нужны детонаторы, радиоуправляемые мины, тротильные шашки, оружие, техника. На всё необходимы деньги! Где их взять?..

...Никиту как током прошибло. А не ограбить ли банк, или тот же самый, когда-то родной, нефтяной концерн?! Или, вообще, и то, и другое! Риск большой? Дурно пахнет? Чревато?..

– Но попробовать стоит, – подсказывала интуиция.
– Чему быть – тому не миновать! – шептал Никита, сосредоточенно соображая.
– Хорошо-то как! – потягивалась рядом в блаженной истоме Таня. И Никита впивался в её податливые горячие губы.

Грандиозному плану Никиты не удалось осуществиться! Пять суток он до мелочей сочинял и разбирал план ограбления одного из филиалов Шуменского банка «Персей», приготовился, пошёл и...

...Такие случайности становились подозрительными и напрягающими! Такие чудеса мог вытворять только ангел-хранитель Никиты.

В заранее одетой декорации: китайской тёплой рубаше, замшевой куртке, спортивных штанах и дешёвых кроссовках на «липах», в медицинских перчатках, с пакетом в руке и газовой «черёмухой» в другом кулаке, Никита поднимался по ступенькам пятиэтажки, арендованной под офисы и коммерческие фирмы. На втором этаже располагался банк, на третьем турагенство, а первый занимала косметологическая поликлиника, судя по рекламам, лучшая в городе.

Не придав значения пустому заведённому микроавтобусу «Тойота» у входа здания, мигом натянув чёрную маску на голову и подходя к железной двери банка, Никита вдруг услышал злые крики и топот. Он успел сгруппироваться. Дверь распахнулась, и в проёме вырос человек с помповым «винчестером».

Действие зачастую опережает мысль. Короткий удар ногой в пах незнакомцу и взмах предплечьем в рубящем блоке выбил из ослабевших рук ружьё, а скользящий шлепок ладонью по затылку отправил вооружённого грабителя вниз по ступенькам. Всё произошло за три секунды.

Следующего здоровяка со спортивной сумкой в руках Никита сразу отключил сильнейшим ударом локтя в ухо. Толстую сумку парень ловко подхватил на плечо, а третьего типа в короткой кожанке, с самодельным пистолетом встретил мощной струёй нервно-паралитического газа в лицо, закрытое капроновым чулком.

Секундный оценивающий взгляд, затем вместо газового баллончика в руке очутилась военная дымовая шашка. Тело рванулось по боковому коридорчику, перепрыгивая через трёх распластавшихся на полу служащих банка, прочь от холла с окровавленным охранником, разбитой рацией, от бьющегося в припадке бешенства четвёртого грабителя с дубинкой. От опустошённого пункта обмена валюты, испуганных, лежащих банковских работников, корчащегося от боли крепыша с разряженным пистолетом, от лишних глаз и проблем.

Брошенные шашки и свистящий открытым клапаном баллончик слезоточивого газа сделали своё. Чёрный густой дым с примесью резкого противного запаха и газ, душили, выворачивали организм наизнанку. Но не у парня в чёрной маске, специальных линзах в глазах и тампонах в носу, одним движением раскрывшему дверь с табличкой «ведущий экономист» и навсегда исчезнувшему от взбодораженного банка.

Никита, захлопнув дверь и повернув замок на один оборот, кинулся к окну. Сорванные жалюзи, лёгкая решётка и выбитое стекло с элементами сигнализации освободили путь.

Ловко и аккуратно прыгнув со второго этажа в садик декоративных яблонь, Никита добежал до угла здания, скинул куртку, маску, натянул спортивную кепку, сунул отобранную сумку в огромный цветной пакет и торопливо зашагал по дворам к цели. Целью был спортивный велосипед, пятнадцать минут назад оставленный в тёмном подъезде третьего от банка дома. Двое-трое случайных прохожих, почти не взглянувших на парня и спешащих на работу в этот утренний час (точнее, уже опоздавших), ничего не поняли и не знали.

Ещё через минуту, в то время, когда из банковской пятиэтажки выскакивали грабители-неудачники, а за ними обезумевшие служащие, Никита преспокойно крутил педали велосипеда, руля по знакомым дворам.

И только в двух кварталах от места происшествия оставил двухколёсную технику в случайном подъезде, бросил там же кепку, кроссовки, стянул штаны, под которыми оказались другие, накинул лёгкую тонкую ветровку, компактно сложенную на животе, надел китайские спортивные чешки и, сделав гримасу попроще, не спеша удалился в неизвестном направлении.

Вечером, второй раз пересчитав добычу, составившую пятьдесят две тысячи «баксов» и одиннадцать миллионов «деревянных», Никита разрабатывал план обмена валюты. Это, на его взгляд, сделать было не трудно.

Утром, посетив занятия в университете и прослушав лекции по «наклонному бурению» и «безопасности жизнедеятельности», он пообедал в пиццерии и отправился к автовокзалу. Жертву вычислил с первого раза. Ею оказалась полубичёвка средних лет, поражающая одеянием, грязно-смуглым оттенком кожи и неприятным спиртово-колбасным запахом. Никита, частично заgrimированный в вокзальном туалете, в единственной закрывающейся кабинке, объясняя суть дела, отвёл женщину в сторону от толпы на перроне.

Загруженная доверчивой, спокойной и заманчивой речью толстоватого парня с широким, как у негров, носом, под впечатлением шуршащих грёз и представлением нетрудного способа обогащения, бомжиха сейчас же согласилась.

В пяти обменных пунктах, так расплодившихся в последний год по городу, женщина, приведя себя заранее по наставлению «нового знакомого» в порядок, заполучила с проданных долларов двести миллионов рублей.

Вечером того же дня она умерла от кровоизлияния в мозг на пятом этаже одного из многочисленных шуменских домов. Скорая помощь, вызванная спустя небольшое время жителями подъезда, увезла мёртвую. А через два этапа проверки и оформления та очутилась в морге, забитом до отказа синими скрюченными трупами. Понятно, что никто и не заметил мизерного укола спецраствора под ноготь, вызвавшего симптомы летального исхода.

И только на следующий день во все законные и полузаконные валютно-обменные пункты города поступили копии номеров американских купюр из ограбленного «Персея». Но было поздно! Ниточка из клубочка стала стремительно разматываться: объявились краденые «баксы» (хотя почему-то в четырёх пунктах!), появились описания смуглой женщины, розыск её вскоре привёл в морг Калининского района. Дело по расследованию зашло в тупик...

Никита почти не ощущал угрызений совести! Он осознал, в какую игру втянулся, почувствовал все возможные варианты её ведения и последствий. Понял, до чего *это* может довести.

Но существовала ещё такая штука, как везение! Бывают на свете чудеса, происходят приятные случайности, здорово иногда помогает интуиция. Очень редко, но бывает, что внутренний голос не предаёт!

На этот единственный из миллиона шансов он и надеялся. Тем более стремления его некорыстные и благие, по какому бы пути ни шли. По крайней мере, так считал он.

На две недели Никита освободил голову от коварных планов и дерзких побуждений, занявшись учёбой и подготовкой к свадьбе. Пока хорошие знакомые и купленные специалисты занимались его курсовыми работами и сборкой материалов к дипломной работе, сдачей лабораторных работ и чертежами, парень собирался жениться.

Договорился со столовой в главке, который когда-то охранял, с водителем автобуса – неизменным «дядей» Ваней, оформлением автоэскорта и регистрации, разнёс с Татьяной по всем сорока гостям приглашения, кое-что прикупил для совместной жизни. Короче, приготовился и настроился на «век свободы не видать»!

В середине ноября чудесно и в меру пышно состоялась свадьба. Ну не то, чтобы все ахали и удивлялись, но так, как хотелось молодым. Фотовидеосъёмки навсегда запечатлели пир, гуляния и счастливые лица всех присутствующих в этот знаменательный и яркий для молодожёнов день.

Неделя медового наслаждения растаяла, а затем потянулись серые будни, иногда скрашиваемые семейными приключениями, походами в кино, театр, пиццерию и по гостям. В общем, наступила долгая обыденная пора жизни, о которой много пишут, показывают и говорят.

Перед самым Новым годом в рубрике «Криминальной хроники» местной газеты под заголовком «несчастные случаи» была опубликована заметка о попавшем под троллейбус мужчине сорока лет, работающем в одном ООО. Тротуар носил следы гололёда, а погибший – опьянения. И хотя водитель вечернего рейса пассажирской «электророгатины» божился, что он не виноват, и ссылаясь на умышленную гибель пешехода, но после недолгих раздумий собственный корреспондент «Шуменских известий» отнёс ЧП именно к рубрике о несчастных случаях.

На деле погиб «канал оповещения» – человек, когда-то сообщивший Никите о «ДЕСЯТКЕ» и её примерной дислокации. Точнее, сбит троллейбусом после толчка в спину у светофора и падения под массивный передок транспорта. Не заметили прохожие и молодого парня в дешёвой «декорационной» дублёнке и с заячьей губой на круглом лице. Никита и сам не помнил в деталях свои действия по ликвидации ненужного свидетеля. Побежав вызывать скорую, он исчез от собирающейся толпы навсегда...

После Рождества Никита приступил к непосредственной подготовке Шуменской Чистки.

Часто меняя облик и «съев» в этом искусстве собаку, приноровившись к постоянному актёрству и конспирации, не забывая о необходимом алиби, он до мелочей изучал и исследовал жизнь почти всех представителей шуменской «ДЕСЯТКИ». Наблюдал, запоминал, мысленно обсасывал все детали. Выспрашивал, вынюхивал, высматривал. Собирал, расставлял, связывал. И думал, думал, соображал. Знаменитая «крыса из нержавеющей стали» задохнулась бы от такой смелости, наглости и решительности! Переплетались фантазия и здравый смысл, путались, расплетались. Кипел иногда мозг. Варианты похищений сыпались искрами, но так же и угасали. Исчезали и заново рождались, ошкуривались, зачищались. Но постепенно план рос, утверждался, креп.

И вместе с ним неотвратимо крепло желание к этой нечеловеческой, грязной, но необходимой обществу работе.

– Всё равно, убрав руководителей и искоренив криминальные структуры, я принесу пользу! – так рассуждал Никита, проводя в слежах день за днём, всё свободное время посвящая правому делу.

– Ничего, и на нашей улице будет праздник! – ухмылялся он сурово, провожая злым взглядом «нового русского», круто маневрирующего на улице на роскошном «вольво».

Канула в века короткая тёплая зима 1995–1996 гг., а вместе с ней госэкзамены в университете, двадцать третий день рождения Никиты и кропотливая подготовка к Чистке. Прошли весёлые праздники, наступили долгожданные весенние деньки, которые парень с нетерпением ждал. Ждали чего-то новенького и остальные семьсот тысяч законных жителей сибирской столицы, затаив дыхание и терпеливо созерцая происходящее. Наматывал третий срок российско-чеченский военный конфликт, волнуя и без того взбудораженные народные массы; бастовали безденежные шахтёры, рисовали мрачные прогнозы золотодобытчики; на новый заход к власти пошли многочисленные разношёрстные партии, набираясь с силами; росла и спадала криминальная обстановка по всей стране, и в Шумени, в частности.

И вроде бы успешно справился со своими обязанностями генерал Владевил, пытаясь контролировать криминогенную ситуацию по всей области. Казалось бы, круто и смело действовали «волкодавы»-оперативники, качали права прокуроры и судьи, в стремлении ужесточить порядок превышали нередко полномочия ОМОН, РУОП, дежурившие по городу там и сям пат-

рули МВД, и даже пытались успевать за ними бдительная ГАИ и «патрули» курсантов ВШМ. Но всё равно крутились чёрные делишки, выполнялись прихоти и нужды бандюг, грабителей, воришек; бесчинствовали рэкет, вымогательство, шантаж, и постепенно узаконивались прочие аферы.

В эти дни возвращался из Екатеринбургской колонии строгого режима оттрубивший положенный срок Бяшенцев Юрий Григорьевич, по кличке «Лысый», а с другой стороны в Шумень въезжал бригадир Зареченской группировки, боевик из ударного отряда партии Ванпилова, чемпион Украины по кикбоксингу в среднем весе, Козик Игорь Геннадьевич, по прозвищу «Тайсон».

Оба не знали друг друга и ни разу не видели, но и тот и другой сыграют немаловажную роль в делах Никиты и шуменской Чистке в целом. И какой роковой окажется эта поездка для каждого из них! Немудрено догадаться, с чего всё начиналось...

...Наступление совершеннолетия Юра Бяшенцев отметил в кругу дружков и пары девочек, подобранных специально для празднования. Выпили как всегда, поржали над обоюдными приколами и похабствами, курили травку, слушали музыку «Коррозии металла». ещё выпили, потом чуть не разодрались Банда и Хлызда из-за первоочередности танцевания с блондинкой Инной, размалёванной словно кукла Барби. Дальше началась пьянка, переросшая в оргию.

На старой скрипучей софе Банда, взявший верх над сверстниками, иступлённо «делал» Инну, безмолвную как манекен. В спальне, на кровати родителей, покинувших дом в направлении шоп-тура в ОАЭ, трахал вторую девушку Юрик, не забывая ощущать себя именинником и главой гулянки. На кухне орудовал с попкой своей подружки Тарас, а братья Калиевы кололись вытяжкой сунорэфа и тащились, оккупировав оба кресла румынского гарнитура. Хлызда же просто пил рюмку за рюмкой, доводя организм до состояния невесомости. Дребезжала в динамиках искорёженная музыка.

Кончив до онемения в коленях, Юра бросил равнодушный усталый взгляд на шалаву, скрюченную в позе сломанной берёзы, и, затянув резинку «адидасок», покинул спальню. Сейчас же на его место побежал на «автопилоте» Хлызда, хотя знал, что с потенцией у него не всё в порядке.

Дождавшись финала прелюдии Тараса, Бяшенцев поманил того из кухни пальцем. Молодой парень, годом старше Юры, напился из кувшина кипячёной воды, что-то шепнул подружке, распластавшейся на обеденном столе и ничем не отличавшейся от двух шлюх, приглашённых на вечеринку.

Только он вышел из кухни, Юрик взял его за плечо, зазывая курить. Оба удалились в коридор, заставленный тумбой, холодильником, инструментами, старым велосипедом и связкой штaketника для садового участка. Закурили, отрешённо посасывая «Бонд».

– Ты о чём-то хотел поговорить со мной? – начал Бяшенцев.

– Вообще-то, да, – кивнул Тарас, внутренне собравшись.

– Ну.

– Это... работёнка есть. Для твоих рук и головы. Восемьсот колов за день. Риск есть, но...

– Что нужно делать? – перебил дружка Юра, приобретая деловой тон и загордившись от комплимента. В технике он разобрался классно.

– Надо вскрыть по наводке машину, да отогнать в условленное место, заказчику!

– Значит, угонять тачки?!

Тарас непонятно отчего закашлялся, подставляя собеседнику спину, но так и не дождался хлопков по ней.

– Ну, можно и так сказать.

– А ты, значит, посредником будешь? – с полуусмешкой спросил Бяшенцев.

– Скажем, так!

Юра долго что-то обдумывал, прикидывал, Тарас выжидающе наблюдал за его мимикой в зеркале, висящем напротив. Бяшенцев почти согласился, но в душе что-то сопротивлялось, зудело. Конечно, о деталях работы и оплаты он узнает поточнее, но голосовые связки уже соскочили с места:

– Ладно, я согласен!

– Ну и отлично! – Тарас облегчённо вздохнул, и, чтобы рассеять внимание дружка, снова нарочно закашлялся.

Пообещав на следующий день позвонить Юре, Тарас пропал на целую неделю. Но спустя восемь долгих дней, когда Бяшенцев уже отчаялся заработать хотя бы часть суммы на голубую мечту – «сузуки», раздался звонок.

– Юрик, потерял? Привет! Приезжай сегодня в семь вечера к «Прометею». Я тебя встречу. И это... возьми всё необходимое... ну, ты понял?!

В полседьмого Бяшенцев уже обкуривал в ожидании Тараса театральную афишу у бокового входа в гостиницу. Этот болван появился только в четверть девятого, да не один, а с красным лицом потным альбиносом в «Монтанах» и белоснежной, как башка, ветровке.

– Извини, задержались, – Тарас постоянно оглядывался и не вынимал руку из болоньевой куртки, – это Витёк, будете работать вместе!

И хотя «Витьку» можно было добавлять приставку «дядя», Юрик крепко пожал ему руку. Так состоялось их роковое знакомство...

...В этот же вечер, чуть стемнело, Бяшенцев с новым товарищем отправился на задание. В обязанности напарника входили наводка на автожертву и «шухерство».

Виктор указывал различными жестами на машину (это были, как правило «семёрки», «пятидверные «нивы», «99-е», иногда «восьмёрки» и «ГАЗ-31029»), занимал вахту на «стрёме», а Юра за две-пять минут выполнял свою работу.

В зависимости от типа и марки установленной сигнализации, степени защищённости автомобиля, наличия прохожих и густоты сумерек уходило соответствующее количество рабочих секунд. Ловко, будто занимался этим всю жизнь, Юра Бяшенцев вскрывал тачки, заводил их специальными пластинчатыми шпильками и отгонял в заранее намеченное место. Там его ждали Тарас и «заказчик» (последний обычно был подставным лицом, а настоящие заказчики не рисковали и находились в безопасном месте). Происходила мгновенная доплата Тарасу, так как аванс выдавался ранее, и посредник уезжал прятать машину. А Тарас и Юрик садились в личную «шестёрку» первого, делили «бабки» и расставались. Белобрысый Витёк тоже вскоре получал свою долю.

И всё шло «тип-топ», но на восьмой тачке «ГАЗ-24-10» предусмотрительным хозяином была установлена система безопасности и оповещения «Поиск-88». Новейшая по тем временам радиоэлектронная защита дала возможность оперативникам получить сигнал и выследить угонщика. Взяли их на автостоянке ж/д вокзала.

Скрюченный, ослабевший от боли в суставах заломленных рук, Юра Бяшенцев был крайне удивлён и испуган от всего происходящего: неожиданный стремительный силовой захват группы быстрого реагирования, мелькнувший в руке Тараса пистолет, выстрелы, страшные крики ментов, нервное потрясение, внезапная опустошённость в душе... Всё навалилось тяжёлым камнем! Затем допросы, суд, приговор – и невыносимое бремя зоновской жизни...

...Козик же занимался более серьёзным и солидным делом. После нескольких межрайонных и республиканских соревнований по кикбоксингу Игорь победил в финале соперника из Харькова и получил титул чемпиона Украины.

Но дальнейшая жизнь вне тренировок ничуть не радовала его: больная мать хирела на глазах; младшая сеструха забеременела неизвестно от кого, а старшая укатила «лимитой» в Ленинград. Денег на питание не существовало: спасало то, что продавали одну за другой вещи из квартиры, да получал «подъёмные» за спорт Игорь.

Перспективы на будущее рисовались чёрным и завязывались в серый узелок. Поэтому и заставила нужда бросить бедствующую семью и отправиться на заработки в Россию.

Капитально Козик обосновался только в Шумени спустя три года бесплодных поисков «золотого дна». Полумиллионный сибирский газонефтяной центр показался молодому бойцу доходным местечком, особенно шуменская Система. Ну, куда можно податься профессиональному спортсмену в наше время, куда деть свои мышцы и способности? Только сюда, в подобные структуры!

Козик прочно обосновался в бригаде Заречья, пройдя работу телохранителя, гладиатора, номера Первого в ударном звене Зареченской Системы, а затем бригадира всей группировки.

Когда к власти пришли демократы, а коммунисты нехотя оставляли свои насиженные за 70 лет тёплые местечки, в Шумени проездом оказался Ванпилов. Тайные собрания, сговоры, делишки...

Тогда-то «Тайсон», как его прозвали в шуменской мафии, и встретился с Ванпиловым.

Нельзя сказать, что прокоммунистическая с долей неонацизма пропаганда увлекла двадцатилетнего бойца, но сотрудником подпольного комитета Козик стал. Негласным. А официально зачислили его номером «XL» (как одёжный!) в отряд боевиков, находящихся на попечении РКП Ванпилова. Самого лидера этой пока нелегальной партии Козик больше не видел, и это было незачем! А необходимую подготовку проходил исправно, обучение убивать не на ринге, а в любом другом месте давалось спортсмену легко, без задоринки. Платили хорошо, хотя финансовых недостатков Тайсон и так не ощущал: Зареченская прибыль ставшей уже родной бригады приносила лакомый кусочек. Остальное шло в «общак».

Просто захотел повоевать, пострелять, поубивать (мало будто умирало в Шумени людей насильственным путём!). Да и подготовка на уровне спецназа в дальнейшем не помешает! А к чему их натаскивали, ясно-понятно: к возможным межпартийным стычкам, переворотам, конфликтам! Как говорят сейчас, к вероятной гражданской войне. Чтоб была за душой РКП сильная мобильная маленькая армия, чтобы поддержать в трудную минуту.

База для обучения и дислоцирования боевиков РКП находилась в строгой секретности и овеяна была страшной тайной. Случайные свидетели умирали, но не всегда якобы в результате несчастного случая. Обслуживающий спецподразделение персонал составляли избранные, перепроверенные и доверенные. Мало, кто знал о базе РКП. Но лучше, если бы никто не знал!..

Эта территория располагалась в Восточной Сибири, у истоков Подкаменной Тунгуски, в трёхстах километрах от посёлка Бурный – самого ближнего населённого пункта. Связь с базой осуществлялась только через «вертушки», зимник и рацию. Другими путями добраться до места равнялось смерти, минимум сумасшествию.

Вот что представилось однажды осенью 93-его охотнику-промысловнику Ургену Васину, тунгусу из Северо-Енисейского кочевья, случайно напоровшемуся на спецполигон ванпиловцев.

За ужасающими чёрно-зелёными лапами ельника стало вдруг светлей и просторней. Осинный колокол, сменивший хвойную чащобу, пестрел жёлтым, оранжевым, красным и бледно-зеленоватым колоритом осени. Весело журчал холодный ручей, запакованный незримыми сокровищами золота, вольфрама, платины, граната, магнетита и видимыми окатышами разноцветной яшмы. Вода – жгуче-ледяная, чистейшая, кристально-переливающаяся на мини-порогах, была безжизненной (ни тайменя, ни хариуса), как и открытая взору тунгуса местность.

Казалось, ни души, ни звука, ни запаха.

Да нет, был запах – горелой стружки и тлевших листьев, слышались голоса, урчание мотора, лязг техники, скрипела на ветру сорокаметровая буровая вышка, оборудованная под наблюдательно-сторожевую и снабжённая треногой «ДШК».

На ближнем за вышкой плане, на кое-где нагромождённых валунах, на привозном песке, на буреломе поваленных сосен, в искусственном водоёме, на грузовике, в окопах – везде шла ожесточённая рукопашная схватка. Люди в летнем камуфляже бились с противником в серой униформе.

Почти бесшумно, иногда с матом и воплем, «гасили» они друг друга ногами, руками, головами, использовали подручный инструмент – камни, песок и воду, куски ткани и верёвок. Проигрывали или сдавались только в случае потери сознания или явной физической недееспособности. Как эти озверевшие напарники уживались в свободное время, на отдыхе, в бараках, сказать трудно!

Чуть в стороне, в деревянно-тряпичные манекены, группа боевиков метала предметы, опасные для жизни и здоровья нормального человека, начиная с заточенных монет и иголок до булавок, дротиков и топоров. Одинаково страшно входили в чучела звёздочка и ломик, бумеранг и монтировка, самодельная крестовина и бляха армейского ремня. А рядом, в импровизированном тире, на открытом воздухе пели и визжали стрелы, гарпуны, иглы пружинных устройств, разнокалиберные пули бесшумных автоматов и винтовок.

Дальше, за оврагом с естественно-искусственным полигоном, тренировалось в управлении и вождении техникой другое отделение наёмников. Как в битве под Прохоровкой сходились мотоциклы, багги, «нивы» и УАЗы, ЗИЛки и «УРАЛы», вездеходы и БэТээРы. Взлетали, буксовали, переворачивались, бились друг о друга.

А через час рядом, на соседнем участке, будут грохотать, трещать, стучать и тарыхтеть отечественные и диковинные импортные гранаты, взрывчатки, фугасы, огнемёты, автоматные и пистолетные стволы, подствольники, многоствольное и многозарядное оружие, ручные «Иглы», «Бури», «Шквалы», «Шмели», «Радуги», «Пламя», «Смерчи», ПРУ, РГД, «базуки», «витюши» и другие опасные для жизни огнестрельные средства. Свистели, чихали, охали и лупили в белый свет, как в копеечку.

Местность постепенно приобретала унылый и угрюмый вид сцены падения Тунгусского метеорита. Природа вокруг чахла и угасала. Животный мир, не сдохший ранее, поспешно ретировался, избегал мора, но навсегда приобретая вирус фобии.

Урген Васин сглотнул, облизнул высохшим языком онемевшие закорюзлые губы, выдохнул застоявшийся воздух, и, осознав ситуацию, поспешил удалиться в противоположном направлении. Тунгус стал единственным немым свидетелем существования военно-тренировочной базы-полигона боевой части Российской коммунистической партии. Немым, но живым!..

...И сейчас Тайсон возвращался в Шумень с этой базы после очередных учений и повышения квалификации с целью проверки деятельности своей группировки, устранения соседа-конкурента и с мыслью о шикарном сауне «Три медведя» с комфортом во всех отношениях.

Подумалось, правда: почему именно он это должен сделать! «Эдисон» ему пока не мешал, не нагелел, даже не был в тягость. Но сходка решила так – значит, будет так. Приговоры Мохнатого не обсуждаются, да и других «авторов» тоже! Москву Козик уважал! О Москве он мечтал! Подумал – и перестал. Скорей бы в баньку! Тёлок!..

...Мимо плыли за окном поезда сибирская дремучая тайга, чёрные освободившиеся от снега поля, деревни и села. Стучали колёса, и жалобно стонала по радио Таня Буланова...

Каким представляется приезжему гостю город Шумень? Кто был когда-нибудь в Сибири, тот знает, как похожи между собой города от Урала до Дальнего Востока. Вытянутая восьмидесятикилометровая жилая зона с нагромождением в большинстве своём безвкусной архитектуры, простых серых микрорайонов – и уймы полузагаженных чадающих промышленных предприятий. Кстати, фраза «Шумень – столица деревень» очень уместна для данного города. Большие и малые полутатарские-полуубогие деревни и села облепили центр, как мухи – известную штуку. Город нефти и газа, рыбы и леса, имел по стране одно из высоких рейтинговых мест по

заработной плате на душу населения, одно из низких – по загрязнению атмосферы, и среднее по преступлениям.

К последнему относится всё: количество преступлений, их расследование, результаты. За последние пять лет количество убийств, например, возросло в два с половиной раза, и особую сложность представляли и представляют заказные.

Так, в один из солнечных апрельских понедельников, в Шумени прошла пресс-конференция прокурора Шуменской области. Встреча посвящалась самой злободневной проблеме преступности – заказным убийствам.

Факты не утешали: за пятьдесят лет существования областной прокуратуры нераскрытыми остались 390 убийств. А уже в этом, 1996-году, за три с половиной месяца их около двадцати – ровно одна восьмая от всех зарегистрированных.

И вот сейчас, буквально через три дня, к ним должен присоединиться ещё десяток новых, с исполнителем-дилетантом Топорковым Никитой Сергеевичем и одно с ликвидатором «Тайсоном». Выбор исчезнуть с лица земли пал на «ДЕСЯТКУ» и молодого предпринимателя, «держателя акций» Антипинской группировки и всей Юго-Восточной части Шумени, еврея «Эдисона», по паспорту Онищенко Эдуарда Исаковича.

И «чёрный список» на этом далеко не кончался!

Ровно в десять утра Никита заметил из временного наблюдательного пункта, устроенного около зоомагазина у рынка, постороннего человека, действовавшего против его правил и планов. Около высотного здания с неоновым табло «Шуменский кредит» пару раз «засветился» крепкий бритый под «теннис» парень лет тридцати, в замшевой «ковбойке» и синих джинсах. Третье его появление вызвало у Никиты уже пристальное внимание. Бегающий фотографирующий взгляд, сноровка, жесты и телодвижения – всё говорило о его намерениях.

У Никиты аж холодок пробежал по спине.

Мысль о том, что парень что-то затевает, причём со злым умыслом, совсем не обрадовала Никиту, скорее наоборот!

Но когда он с другой позиции на следующий день опять увидел подозрительного типа, да ещё в десять вечера, после долгих раздумий и ожиданий, то идея набить ему морду напрочь отпала. А дальше всё пошло, завертелось, как в хорошем немом кино!

Парень спортивного телосложения, в котором Никита уже безошибочно узнавал своего «знакового» и в профиль и анфас, на третий день слежки подогнал к соседнему с «Шуменским кредитом» жилому дому ленинградского проекта старую «волгу». Затем, судя по возне в салоне, установил противоугонные крепления, сигнализацию, проверил несколько раз ключом замок багажника, смазал его.

Ну а последующие события были совсем ошеломляющи!

Опять в десять часов, словно по расписанию, здоровяк неожиданно появился из-за двери «служебного выхода» и «чёрного входа», что всегда является одним и тем же, что-то поковырял в запоре обитой цинком двери и закрыл её снова. При этом парень не забывал шерстить пронизательным взглядом окрестности, пристально осматривая случайных редких прохожих и бичей, шастающих по двору.

Тайсон, понятно, не знал, что за ним с самого начала подготовки к операции следит другой коршун. Так сказать, коллега! А «коршун» – молодой начинающий истребитель зла Топорков пока не знал о парне шестнадцати лет, якобы торгующем за его спиной эротическими газетками, брошюрками с кроссвордами и анекдотами. О пацане, которого Тайсон поставил наблюдателем, и которого после дела никто больше не увидит. Не знал Никита и будущей жертвы человека в ковбойке, но о предстоящем заказном убийстве догадывался. Это внесло некоторую сумятицу в заготовки, но внезапно созревший план привёл его в изумление.

«Только бы всё получилось!» – думал Никита, рассматривая шуменскую эротическую газетку «Магазин любви», лежащую среди прочих печатных изданий между ним и юным продавцом, через плечо покупателя поглядывающего в заданном направлении...

А за неделю до этого Никита завербовал Лысого!..

Произошла встреча совершенно случайно, но так кстати. Прибывший из мест заключения Бяшенцев Юра через пару суток снова вляпался в плохую историю. Можно ли сказать, что ему повезло? Лучше б он попал в руки милиции, чем в роковые объятия Никиты! Парень, вставший на путь жёсткой и грубой системы чистки родного города от «нечистот», выцепил Лысого у «Привоза».

Место торговли промышленными и автомобильными товарами славилось частыми махинациями, «мухлёвщиной» и угонами машин. Правда, в последние два месяца там насчёт воровства автомобилей было спокойно, пока своё слово не решил внести Бяшенцев. Тачка ему стала необходима для поисков бывшего напарника Витька, которому сгоряча можно переломать кое-что, снять белый скальп, вспомнить утраченную молодость. Хотя, если разобраться, альбинос не виноват в той ситуации, когда так оплошал Юрик.

Считая, что навыки и опыт в угонах он не растерял, Бяшенцев отправился на дело. Зоновскую «командировку» в нём выдавали только «нулевая» причёска и некоторые жесты.

Никита временно «торговал» семечками у входа на рынок плечом к плечу с разноликим контингентом торгашей и продавцов. Чрезмерное потребление семечек внутрь совсем не мешало рентгеновскому осмотру автостоянки.

Пару раз в поле зрения попали мелкие «шошки» – ребятишки, снимающие колпаки и дворники, раз – наркоманы в состоянии купли-продажи, один карманник.

Второй день слежки подходил к концу, и тут подфартило. Лысый долго и мучительно медленно обхаживал всю автодивизию, чтобы особо не привлекать внимания, и проследив за отчаливанием хозяина «тройки», решился сразу.

Трудно сказать, что в это время управляло им! Но что бы это ни было: месть, чесотка в руках по «делу», или предвкушение наживы, это его и погубило!

Застукал Никита его в самый неподходящий для угонщика момент: секунды через три после того, как Бяшенцев уселся на водительское кресло и руки автоматически закопошились в блоке зажигания, его осветила яркая вспышка, затем, прямо в лицо, ещё одна.

А дальше – хуже! Дверь распахнулась, «Кодак» исчез из руки незнакомца, а резкий тычок кистью в висок затмил зрение. Как стало вдруг больно, мог сказать только Бяшенцев, приходя в себя уже около автомобиля. Это привидение, этот крутой тип в тренирке и «адиковской» кепочке выворачивал пальцы и запястье его руки, с необъятной всепоглощающей злостью шептал в ухо нехорошие слова и также ненавистно делал указания ему, Лысому.

Юрик понял одно: его, как щенка застукали, взяли, засвидетельствовали на плёнке, унизили, опозорили, растёрли в порошок. А ещё и шантажировали! И не вслепую, а с уликами, прямо, со всеми потрохами. И здесь Юрик сдался, обмяк, повиновался. Что был он «шохой» и петухом на зоне, то и остался им. Больше в лагерь Бяшенцев не хотел!

Ни под каким предлогом! Ни за что!

Одной встречи, одного короткого ужасного разговора Бяшенцеву хватило надолго, хотя ему не раз приходилось видеться со своим «инквизитором», Шуриком, как назвался тот. Были ещё разговоры, указы, приказы, советы, разборки. И постепенно Лысый понял, что парень ведёт игру один, самостоятельно. Но живо, мощно, страшно! И Лысому стало боязно за это нечаянное «знакомство», за свою жизнь. Но это потом, позже! А сейчас...

...Сейчас, не имея за душой ничего: ни денег, ни злополучных фоток, ни малейших шансов на схватку и выигрыш, но ощущая за спиной тревожный взгляд и могущественное присутствие, Бяшенцев тихо и скромно существовал и исполнял запросы «Шурика».

А «Шурику» – Никите – теперь как нельзя кстати нужна была помощь, левая сила, пешка в его опасных манипуляциях. И она нашлась в его распоряжении!

Брусок рьяно выполнял свои обязанности, свою работу. Тайсон пообещал повысить его в бригадном звании и надбавить, соответственно, оклад. Паренёк, морально потерявший семью ещё в десятилетнем возрасте, плюнул на родичей-алкоголиков и ушёл из общаги. Сейчас он был «мужик», крутой поцик, «кент» в кругах знакомых и друзей. Кличку «Брусок» ему дали за фигуру, напоминающую параллелепипед, но он не обижался. В звене, да и сейчас в бригаде, у всех были клички. Даже у бригадира под стать: боксёрская, такая крутая, ломовая кликуха.

А тут возьми да сам Тайсон взял его в дело! Не в обычные рутинные провороты, делишки, операции, а дал клёвую, ответственную работёнку. Да ещё сказал, что на это задание годится только он, Брусок. Ну и ну!

Правда, наехали тут на него раз какие-то шпингалеты, наверное, зелёные. Так, левые. Пристали, чё, мол, порнуху продаёт, маленький ещё, а сами-то всего на год старше его. Пошарахались, отвалили. Только ходят, отвлекают от наблюдения. За тачкой Тайсон поручил смотреть в оба. Важная машина. Сказал, если кто вертеться рядом с «волгой» будет, или лазить в неё, и вообще что подозрительное, сообщить по запасному одноразовому каналу связи.

Номер телефона лежал в кармане (после звонка этот номер ни для кого не существовал), спица и кастет тоже в пиджаке. Да и испугаться их особо, этих двух лохов, Брусок не успел. Две минуты, и те исчезли. И юный автоматический взгляд опять скользнул по автообъекту, стоящему во дворе, через улицу, в ста метрах. Всё по-прежнему, тихо, спокойно. Хорошо! Да и газетки иногда берут...

...А Юрик Бяшенцев успел за две минуты проверить багажник, отключив «сигналку», и убраться восвояси. Звонок, доклад на переменную дежурную точку, одобрение «Шурика» и выслушивание следующих приказаний.

В пасмурный морозный, далеко не весенний девятнадцатый апрельский день, за час до обеда в бюджетных организациях, в центральный вход института «СибНИИГНИ» с несколькими рулонами обоев в руках вошёл крепкий невысокий молодой человек в длинном кожаном плаще и драповой кепке. На привычный, заученный до автоматизма, чуть рассеянный вопрос вахтёра-пенсионера «А вы... куда? А... пропуск?» Игорь Козик натужно-актёрским голосом, выглядывая из-за поленницы бумаги на плече, сообщил, что это материал в кабинет технолога, и даже назвал фамилию. А так как на следующую неделю в кабинете намечался ремонт перед праздниками, то дедуля-охранник согласно закивал вслед парню.

С окна пятого этажа института холл акционерного общества открытого типа «Мемфис», находящегося в здании «Шуменского кредита», просматривался великолепно. Зал, выложенный мрамором и уральским малахитом, благоухающий ароматом домашних роз, финиковой пальмы и цветущего пиона, освещался мягкими желтоватыми торшерами и бра. Мирно и убаюкивающе журчал в центре искусственный родничок. Окна четвёртого этажа с сигнализацией и полуопущенными жалюзи, чуть прикрытые лёгкой тюлью, сверкали блестящими в любую погоду золотисто-антрацитовыми рамами.

В 11.40. двери конференц-зала раскрылись, выпуская на пятиминутный перерыв хозяев и гостей.

11.45. В окуляре оптического прицела доморощенной, но работоспособной снайперской винтовки Мосина 1930 года выпуска очутились кудрявые волосы Эдисона, разговаривающего по радиотелефону с подчинёнными. Телохранитель показал пальцем на окно и недозакрытые жалюзи. Эдуард Исаакович повернулся. Лицо исказилось недовольной гримасой.

11.45. Голова Эдисона разлетелась на кусочки, как лопнувший воздушный шарик, забрызгав собеседников и холл кровавыми красками.

11.48. Охрана коммерческо-финансового здания и телохранители некоторых боссов безуспешно пытались взломать стальную вестибюльную дверь, вызвать неработающий лифт, вырваться наружу.

Козик покинул институт через окно второго этажа, выходящее во дворы жилого квартала, предварительно осыпав путь бегства специальным антисобачьим составом. Сарай-пристройка со строительным инвентарём и пустыми водочными коробками, сбросив двуногую ношу, через минуту вспыхнула пионерским походным костром. Так чётко и безукоризненно сработало ранее заложенное зажигательное устройство.

11.50. Тайсон, не привлекая ничьё внимание, кроме острого взгляда Никиты и зорких глаз Бруска, быстрыми ловкими движениями спрятал спортивную сумку с уложенной в неё СВМ в багажник «ГАЗ-24», посмотрел на часы и исчез торопливым шагом за соседней пятиэтажкой.

Тотчас завёлся другой механизм.

Никита с крыльца подъезда этого дома сделал знак рукой, и Лысый подошёл к Бруску, перекрыв телом линию обзора. Какая-то несвязная «косая» болтовня. Драгоценная минута. По профессиональному наставлению Бяшенцева Никита (как всегда в своей работе, загримированный), этакий «Заячья губа», без труда отомкнул багажник «волги» с отключённой на время сигналкой, забрал сумку и покинул двор.

Отстал с «пьяными» наездами от Бруска и Юра Бяшенцев.

12.00. Городской платный «Икарус», набитый пассажирами, отъехал, увозя Никиту. Автобус обогнал «жигулёнок» частника с трезвым угрюмым Юриком.

А ровно через минуту предохранительный клапан газового баллона у стоящего между институтом и «Шуменским кредитом» «ЗИЛка» сорвало, и местность окутали сорок литров пропана.

Вслед за этим по заранее сделанным телефонным звонкам двор заполонили «скорая», «пожарная», «газовая служба», и УАЗик ППС, прибывшие каждые по своему делу. А вместе с ними все имеющиеся следы преступления замесили, затоптали, уничтожили ноги озлобленных охранников, выскочивших наконец-то из здания и окруживших его, и зевак, крутившихся рядом.

Спецпергруппа милиции приехала слишком поздно!..

На следующий день, в субботу, Никита, заимев красную «копейку» от Лысого и отпустив его в двухдневный отпуск без содержания, поехал на первое настоящее дело.

Торгово-закупочная база «Мебико» находилась в секторе частных домов и обшарпанных серых «хрущёвок». По разработанному плану Никита оставил тачку во дворе старой пятиэтажки, возле склада стеклянной тары, поправил парик, передохнул, «заячьей губой» стараясь не шевелить, чтоб не отклеилась прозрачная лента. Скрытно «проковылял» на четвёртый этаж, расставил малярные инструменты: валик на длинной ручке, скребки, мастерки, щётки, банку с краской (старой, как дерьмо мамонта), развёл для удобства рукавами рабочей спецовки, осмотрелся, приноровился. Выглянул в грязное, с разводами, окно подъезда, сноровисто достал и скрепил обе части СВМ, проверил затяжку глушителя. Прислушался. Спецствол в широком манжете заляпанной краской брезентовки крепко сидел в зажимах на предплечье. Баллончик с сероводородом оттягивал левый карман. Тонкие резиновые перчатки неприятно липли к коже рук. «Надо посыпать их тальком в другой раз», – подумал Никита и сунул ствол винтовки в отколотое ранее полотно оконного стекла.

Выбирал жертву долго, целился тщательно. Винтовка была массивная, неудобная, но мощная. Уж какая была!

За улицей и стоящими на ней тремя иномарками начинался забор – аккуратный, прочный, симпатичный. Стена окружала базу с несколькими постройками, автопогрузчиками и несколькими крутыми тачками. Между ними сновали люди «больших полномочий», «круп-

ного бизнеса», бывшие лагерные паханы и урки. Но по их виду нельзя было сказать, что они когда-то сидели. Ожиревшие, разодетые в пух и прах, чистенькие, ароматизированные, гордые.

Внешняя охрана сходки созерцала действительность улицы слева и справа, да поглядывала на окна «хрущёвки», стоящей напротив, в сорока метрах. Но никто не заметил окно с периферии, по диагонали от ворот на базу. А ведь до него всего метров шестьдесят.

В этот солнечный, но холодноватый день множество прохожих маячило взад и вперёд: в основном за покупками, по делам, просто где-нибудь развеяться.

Халявная работа убаюкивала охранников, рассеивала бдительность, поднадоела. Давно уже никто не посягал на души их подопечных (и хозяев в одном лице). Чертыхались, сплёвывали. Но не всегда это помогает!..

...Первым отвалился на водительское сиденье человек в шляпе и очках, потеряв полбашки в салоне «вольво-920». В машине он был один, выстрел сухо чихнул на фоне громящего маршрутного автобуса, поэтому никто ничего не заметил.

Следующим пал бритоголовый здоровяк с блестящей на чёрной водолазке толстой золотой цепью. Его отшвырнуло к перилам головного склада товаров с пробитой грудью.

Третьим трупом оказался объект из списка Дубков. Пуля разворотила ему живот, а вторую Никита не пожалел и рискнул всадить в агонизирующее тело. Кровь бедняги моментом смешалась с весенней грязью.

Спохватившийся толстяк, стоящий рядом, растерялся, присел, но и его брюхо взорвалось брызгами плоти и сорочки.

Когда обойма опустела, винтовка в три секунды очутилась в сумке. Кажется, никто не заметил источника огня, но Никита всё равно спешил. Через минуту он толкнул окно второго этажа (как сутки назад Тайсон), услышал шипение брошенного баллончика на ступеньках вверх, раскрыл ставни и прыгнул на склад, затем на крышу машины и через тридцать секунд покинул окраину двора. Что происходило за углом, его ничуть не интересовало.

«Жигуль» домчался к парку имени Губкина, опустел и спустя пять минут вспыхнул синим пламенем. Дотла сгорели вместе с тачкой спецовка, обувь и штаны маляра.

Через час винтовка без отпечатков каких-либо пальчиков очутилась в багажнике «волги» Игоря Козика, одиноко стоящей во дворе «Шуменского кредита». Опять не сработала ещё отключённая сигнализация, легко спружинила крышка, ничего не усёк Брусок, так как мешал остановившийся по «технической неисправности» троллейбус. Сигналка по инструкции Бяшенцева Юры снова включилась, но автомобиль уже никто не тревожил. Пока не тревожил...

...Вечером того же дня Никита по одному интересному телефончику фирмы «Тамерлан» связался с её секретарём.

– Напрягитесь и слушайте внимательно! Я случайно заметил человека с винтовкой. Кажется, в твоего босса стреляли? Короче. Я проследил за ним, за этим киллером, потому что как раз проезжал мимо. Спросишь у мужиков с ворот, видели ли они белую «тойоту». Это был я. Убийца был на чёрной «ГАЗ-24». Я выследил его, ты слышишь меня?

– Да-да, говорите, говорите! – напряжённо раздалось в трубке дежурного секретаря-референта.

– Я знаю, где эта тачка сейчас. Парень сунул сумку в багажник. Там, наверное, оружие! Подробнее расскажу позже, детали гонора обговорим тогда же...

– Постой, мужик! Не клади трубку, я позову...

– ...И ещё, прошу, не ищите меня, не засекайте... я насмотрелся детективов по горло. Терпеть их не могу! До связи.

Никита нажал рычаг. Хмыкнул, представив себя на месте секретаря. Вышел из автомата и направился на переговорный пункт, на ходу отлепляя от горла звукоимитаторы. Теперь «крест-

ные» взбесятся, отомстят обидчику. И сделают всё, чтобы располагать полной информацией. Ладно, посмотрим!

В заполненном до предела отделении международных переговоров Никита с час ожидал своей очереди. Наконец дали связь с Няганью.

– Наталья Михайловна? Здравствуйте!

– Здравствуйте, – без тени радости молвила хорошая Никитина подруга и однокурсница, – а кто это говорит?

– Это неважно, – сказал в трубку парень грубоватым тугим голосом сорокалетнего мужчины так громко, что чуть не отпали от горла звукоимитаторы, – на ваше имя почтовым переводом придёт скоро определённая сумма денег. Пожалуйста, получите их, но никому не говорите об этом. Ровно одну треть возьмите себе. Это подарок, без возврата! Остальное положите под проценты в банк. Любые проценты. Тоже на ваше имя. Не пугайтесь. Я когда-нибудь всё объясню. Скажу только, что это один ваш хороший знакомый. И прошу, никому об этом! До свидания!

– Мужчина, подождите, – затараторила Наташка, но в трубке раздались гудки.

«Так. Теперь к братику за подмогой!» – с такой мыслью Никита отправился по главной улице домой к родителям.

Родных Никита уважал и любил. Они дали ему всё: рождение, воспитание, образование, любовь, интерес к книгам, жизни, страсть к путешествиям. Они вырастили его, одели, обули, выпустили в свет. Дали добро на самостоятельную безбедную жизнь. Помогали и, Никита знал, будут помогать всегда. На их любовь и нежность он отвечал тем же. И так же дорог ему был родной брат Денис.

Парню только стукнуло восемнадцать, а мастер был на все руки. В отца. Батя работал в местном аэропорту, с детства пройдя многие технические работы: от кузнеца и комбайнёра в тёплой кубанской станице до начальника и командира эскадрильи больших «ТУшек».

Мать имела скромную должность инженера НИИ по почвам Шуменской области и получала, в отличие от отца, такую же скромную зарплату, только с опозданием в три месяца. Милая, добрая мама! Её образ Никита видел даже с закрытыми глазами, её голос он не мог спутать ни с каким другим голосом в мире, её тёплые нежные руки парень смог бы различить на ощупь. И целовать, целовать их до бесконечности!

Как всегда, родители встретили сына тепло и ласково. Накормили, расспрашивали об учёбе, делах, семейной жизни. Интересовались, нет ли проблем с деньгами. Как здоровье его, Тани, тёщи, тестя. В общем, обычные дежурные вопросы, какие задают матери и отцы детям.

Потом под предлогом поболтать Никита с братом уединились в спальне, где когда-то жили и спали вместе восемнадцать лет. Обменялись вопросами и ответами интимного характера – мол, как там у тебя с Мариной (подружка Дениса), а мы с Таней так-то. Затем Никита перешёл к главному: о деньгах, о деле. Конечно, он не посвящал родного человека в свои планы и работу, а подвёл так, что брат и не догадался о его мыслях. Просто затаилось у него подозрение, что не чисто всё это, но всегда несерьёзный, взбалмошный Никита шутливо развеял серенькие мыслишки.

Утром, в понедельник, когда жена ушла на преддипломную консультацию, Никита, сделав зарядку и шестьдесят отжиманий, плотно позавтракав, отправился к телефонной будке, хотя ближайшая исправная находилась рядом с домом. Но ведь лишние следы оставлять нельзя!

Только прощёлкал набранный номер, на том конце провода трубка уже витала в воздухе.

– Да, – резко бабахнуло в динамике.

– Это ваш новый знакомый, – шепнул в телефонную трубку Никита, – час оплаты настаёт.

– Говори, мать твою! – еле сдержал себя, чтоб не закричать, собеседник. – Пожалуйста, мужик, земляк, дорогой, говори, кто, где, говори всё!

– И сколько?!

– Говори, ядрёна корень!

– Значит так, – начал Никита, держа под наблюдением двор и секундную стрелку «Омеги», – ещё раз повторяю: 70 миллионов вы переводите на имя...

Он подробно указал адрес, инициалы и сроки оплаты.

– И ещё! – добавил он, следя за временем. – Дамочку не вздумайте нагреть или выкинуть какой-нибудь финт. Угрожать, да ещё ВАМ, я не смею, но могут быть неприятности. Тем более я взял с вас слово. Хоть вы и воры, и в «законе», но я, как честный гражданин, верю вам! Мне тоже верьте: не подведу. Честно говоря, здесь мне подфартило крупно, не всякому такое удаётся... Как я его... круто! Только поймите меня правильно: я боюсь! Связался, конечно... Опасно! Ладно, рискну на свою голову, хотя вы мне пообещали безопасность?!

Последние слова Никита нарочно «играл». Нужно было показать тьюфяка, лоховатого парнишку, действительно случайного свидетеля. Показать чувства страха и риска. И это ему, по-видимому, удалось.

– Ждите звонка сразу после перевода, по своему телефону, возле отделения связи номер 26. Ну как, договорились? До свидания!

– А это... мужик?!

Никита повесил трубку и быстро засеменил вдоль дома. Через шесть минут к будке подкатила «девяносто девятая», и из неё выскочили трое верзил в коротких «кожах». Злые и недобольные, они порыскали вокруг, сели, и также быстро, как появились, умчали по улице.

Утром следующего дня неожиданно-негаданно ударили позднеапрельские морозы, что не удивительно для Сибири и её коренных жителей. Шуменцы, не дождавшись вскрывшихся на деревьях почек и перехода на летнюю форму одежды, безрадостные сновали по городу в куртках, плащах и шапках всевозможной масти. Особенно рябили в глазах турецкие длинные плащи и чёрные «ушастые» кепки-штамповки той же Турции и Польши. Застывшие на этот раз лужи уже не манили любителей покататься на льду. Шумень ждала тёплого Первомая, предстоящих июньских выборов президента, и новостей из Чечни.

Вести из последней будоражили сердца каждого второго шуменца, хотя от Сибири она очень далеко.

Слухи и сообщения опережали действительность. Федеральные войска потерпели фиаско: где-то в ущелье чеченцы накрыли целую колонну российских мотострелков. Убит (всё-таки) Джохар Дудаев – лидер боевиков и всей чеченской оппозиции. Убит при артобстреле... Нет, при авианалёте... Да нет, скорее всего коллегой Никиты – снайпером, или умерщвлён ультразвуковым сигналом по телефону. Черт его знает! Ладно...

...Застрелен его заместитель, преемник Зандармибов.

Белоруссия воссоединилась с Россией! Как? Опять!..

«Поднимать страну будем с края... С какого? С Хабаровского!» – заявил президент РФ.

В Омске покушение на Михаила Сергеевича (как же, помнится «по России мчится тройка...»). Что? Не покушение?! Да так, выскочил из толпы один мужичок, вмазал Михаилу Сергеевичу с правой. Так его даже не судили, героя!

Лидер либералов обвенчался (это накануне-то выборов!) пышно и богато. С кем? А... это он отметил серебряную свадьбу с супругой!

Сюганов, главный всех коммунистов, выехал в Германию на переговоры с Бундесвером. Зачем? Опять, что ли, 22 июня настанёт?!

Что, опять Чечня? Разоружение?! Конец войне! Сдача в плен? Приказ целым сёлам и районам. Крутые запросы! Ну и что, сдают? Пока нет. Ну, ничего, приползут!

Убит посол России в Гватемале, идут дружественные встречи президентов РФ и Китая, рост доллара приостановился.

А здесь, в Шумени, своё: областной чемпионат по бодибилдингу, субботники, новый прокурор, заказное (якобы) убийство авторитета Дубкова (остальные – его телохранитель, адвокат и зам не в счёт), умышленное устранение предпринимателя Онищенко, взятие банды Мухтарова, свои проблемы и радости.

В 11.00 в отделение связи Ленинского района номер 26 вошли четверо молодых людей из девяти подъехавших к зданию. Все крепкие, высокие, суровые, покрасневшие от торопливой исполнительности, забот и восьмиградусного мороза.

Служащая почты, женщина лет тридцати семи, автоматически подняла голову на скрип двери. Коллеги-смежницы тоже бросили короткие невидящие взгляды на вошедших, как и полдесятка посетителей. Ребята с короткими стрижками, заметными под кепи, оккупировали стойку и взгромодили на неё кейс-атташе. Раскрыли, сверля взглядами служащих почты и её клиентов. Женщина, стоявшая рядом, ближе всех, ахнула, заметив набитый денежными купюрами дипломат, и поспешила отойти подальше.

По подсказкам «крутых» ребят женская рука за перегородкой кривым дрожащим почерком заполняла бланк перевода.

Через десять минут семьдесят миллионов рублей перекочевали в государственную утробу.

Звонка по радиотелефону парни ждали недолго, но, надо отметить, нервничали они порядком. Народ сновал туда-сюда, время шло, а негодование нарастало. Но вот запиликала в руке одного из них трубка итальянского производства с длинной антенной. Верзила включился в приём.

– Заждались, ребята?! – попытался зло пошутить Денис Топорков из далёкого от почты таксофона.

– Говори... – прорычал от переполняющих бритую голову чувств здоровяк, прижав телефон к уху сильнее, чем надо.

– Нужная вам тачка стоит у дома номер 53 по Ленина, во дворе «Шуменского кредита». ГАЗ-24. Замкнута, на сигналке, по-моему. В ней сумка. Интересующий вас объект появится со дня на день, может, уже сейчас. Не знаю этого. За тачкой присматривает паренёк лет шестнадцати, у дороги. Он продаёт газеты. Всё. Остальное на ваше усмотрение. Всё чисто и честно, клянусь!

В трубке раздались гудки. Денис спокойно прошествовал до остановки и через две минуты уехал на городском автобусе, затолкнув в карман платок, через который вёл монолог, и перчатки, которыми держал телефон. Такое простое, таинственное, интересное задание выполнено. Два «лимона» на музыкальный центр лежали дома в ящике. «Вот это братик!» – с восхищением думал Денис, качаясь в салоне автобуса.

А команда покойного Дубкова мчала отрабатывать потраченные деньги и возмещать злость.

Никита долго сидел в гостях у подружки, уже не волнуясь за проведённую операцию. Он весело щебетал с Иринкой, не смея взглянуть в окно на отделение связи и детально вспоминая проверочный звонок на почту. «Бабки» пошли к Наташке!» – подумал он, и от души рассмеялся над плосковатой шуткой симпатичной девчонки.

В последний вторник апреля умер второй из Шуменской «ДЕСЯТКИ». Мягков Олег – из гильдии «новых русских», тридцатичетырёхлетний предприниматель, бизнесмен широкого размаха (авто Шуменского района и смежных районов области). Был убит Никитой весенним тёплым вечером в ресторане «Тура» – новом «газпромовском» заведении, расположенном на девятом и десятом этажах одноимённой гостиницы.

Парень знал на девяносто процентов, что Мягков пойдёт «отлить». На его телохранителей внимания можно не обращать: перекаченные, туповатые, заметно нерасторопные ребята,

которые наверняка и стрелять толком не умели с дрожащих от штанг рук. Но в их объятия попадаться не хотелось! При подготовке Никиту видела только официантка ресторана. Но и она умерла от «острого отравления желудочно-кишечного тракта» через час после взрыва, прямо перед оторопевшей экспертной группой. Как известно из детективного кино-литературного жанра – свидетелей не оставляют! Поэтому, несмотря на маскировку и грим, Никита пошёл на это: смерть крашеной блондинки была быстрой.

Из заложенных во все писсуары зарядов сработал один, в контакт спецдетонатора которого поступила моча жертвы. И здесь Никита с особым почтением вспомнил «запасы» покойного киллера Бондаря.

Мягков сразу по прибытию в ресторан (что случилось вопреки плану убийцы) со свитой отправился в туалет. «Шкафы» из мяса и плоти привычно прочесали зал, уборную, раздевалку, бар и помещение кухни и проследили за суесящимися официантами, накрывающими Мягкову столик. Двое без тени смущения последовали за хозяином в туалет. Там преспокойная жертва «истребителя» Топоркова автоматическим движением раскрыла ширинку светлых брюк, высунула своё «хозяйство» и включила спазм, вызывающий поток жидкости мочевого пузыря. Чиркнул в нише писсуара электроразрядом детонатор, и внезапная вспышка взрыва запечатлела расслабленное самодовольное выражение лица Олега Мягкова.

Ударная волна, разрывая человеческую плоть, отбросила тело бедняги к кабинкам с унитазами, а обоих охранников, стоявших поодаль, раскидала по кафельным стенам. Но на фоне возможной смерти их нетяжёлые ушибы выглядели пустяком. А вот их шефу не повезло!..

...Этим же вечером, часов в десять, Никита с женой и братом укатил на дачу к родителям. На завтра-послезавтра открывалась охота... но уже на водоплавающих!

Козика сгубила жадность и тупость. Неизвестно только, всё вместе или по отдельности.

Правда, он удосужился выждать определённое время, пока не уляжется розыск, работа на месте преступления экспертов-криминалистов, первые волнения. А затем решился!

Винтовка ему нужна была позарез: такую «оленебойку», крупнокалиберную пушку, не везде найдёшь, тем паче не замеченную и ранее не наследившую, да и в дальнейшем, Козик чувствовал, она ему пригодится.

Об убийстве Эдисона в газетах даже не упоминали. Скорее всего, пока, а вот неслыханный расстрел Дубкова и его окружения взбудоражил всё «теневое» и воровское население Шумени. Озадачило он и Тайсона, но только на время. Чуть позже это его погубило.

Теряясь и маскируясь среди немногочисленных в этом году первомайских демонстрантов, шествующих по главной улице Шумени к центру города, Козик неожиданно для Бруска оказался рядом, вынырнув из толпы прохожих. Паренёк не растерялся и задорно отрапортовал «боссу». Ну и, конечно, молодой зелёный умишко сумел зафиксировать и доложить о пьяных парнях, пару раз пристававших к нему во время операции. Брусок был рад скорому освобождению от нудной скучной работёнки. Тайсон выслушал «шестёрку», что-то минут десять пообмозговал, и вдруг решительно направился к тачке.

«Волга» сиротливо стояла у заборчика «Шуменского кредита» и примыкающего к нему гаража с «запорожцем». Козик попетлял по двору дома номер 53, просвечивая внимательным взглядом каждый кустик и подъезд, каждого прохожего и все видимые окна домов. Затем, оттянув ошейник водолазки и чертыхнувшись в адрес палящего солнца, смело подошёл к машине.

Ребята покойного Дубкова, бравшие с поличным Тайсона, не знали крутого нрава бывшего чемпиона Украины и его пружинного состояния. И к тому же раньше не ощущали ни мастерства сильного кикбоксёра, ни злости, которая проявлялась в его мастерстве.

Схвативших его за предплечье двух здоровяков Козик от внезапности и страха легко раскидал в стороны. Налетающего верзилу с дубинкой встретил фронтальным проникающим ногой в солнечное сплетение. Парень, задыхаясь, рухнул на бордюр. Отправляя в нокаут сле-

дующего, Тайсон получил дубинкой по рёбрам. Одно из них хрустнуло, а удар наотмашь запястьем мускулистой руки отомстил обидчику сполна, сломав переносицу.

Сомнений в том, что Козик по кличке «Тайсон» – истинный убийца Дубкова и его свиты – не осталось у нападающих. Как и у поста внешнего наблюдения ФСБ города, засевшего в полуржавом металлическом гараже...

Встретив очередной удар ноги плечом, Козик молниеносно ответил выпадом кулака в коротком прямом. Как и предполагалось, два передних золотых зуба у парня в шёлковой рубашке вылетели с треском. Ещё блок, удар. И тут дубинка последнего, долговязого, обрушилась на коротко остриженный затылок Тайсона.

Группа захвата, прибывшая к третьей минуте драки, взяла без труда двух нокаутированных, а третьего, с разбитым носом, догнали только на соседней улице. Мёртвого Козика, распластавшегося на асфальте возле «волги», не тронули до приезда «скорой медэкспертной». А зарезанного минуту назад Бруска с кровоточащей раной в области печени обнаружили через полчаса между двумя ларьками.

Четвёртого из нападавших на Тайсона, жилистого долговязого парня, единственного располагающего какой-либо информацией об отстреле Дубкова, анонимном звонке и операции против Козика, так и не разыскали ни оперативники, ни «топтуны» из группы внешнего наблюдения. Его найдут только пять месяцев спустя, полуразложившегося, изуродованного до неузнаваемости, в кустарнике у старицы, на пятьдесят пятом километре Курганского тракта.

Тонюсенькая ниточка, положившая было путь к истинному зачинщику всего этого, оборвалась прямо в руках правоохранительных органов.

А Чистка продолжилась!..

Никита, не подозревающий о только что обрубленном хвосте, о том, что НП оперативники установили буквально через два часа после последнего посещения им злополучной «волги» и совсем случайно, по гипотезе одного из заумных «волкодавов» на очередной «оперативке», жизнерадостный и спокойный, как танк, брёл по лесу в сопровождении оруженосцев.

Охота! Это слово вызывает азарт, прилив крови, сил, внезапное рвение прочь, за город, в леса и на озёра.

«Охото на охоту!» – поговаривал частенько Никита, провожая очередной будничным день. И так уже пятый год.

Эту страсть к нему привил отец. Причём сам он не был охотником и даже не любителем, а вот книжек, брошюр, карт и сведений об этом промысле предоставил сыну много. И Никита повёлся! Вступил в клуб охотников и рыболовов, сдал примитивные экзамены, получил охотничий билет, разрешение. Зачистил ещё раз свою «ТОЗку-вертикалку», подаренную отцом на день рождения, и отправился на первую в жизни охоту.

С тех пор прошли годы, а вместе с ними бесчисленное количество расстрелянных патронов, сбитых «мигов», как называл уток парень, чесался намозоленный от спускового крючка указательный палец.

Сейчас с ним пошли Денис, прихвативший батину «МЦ» двадцатого калибра, Татьяна, и подружка брата, Марина, одноклассница Дениса по мединституту, рослая, умная девчонка, не знающая косметики и моды.

Тихо крались по сосновому бору к озеру Травникуль, расположенному в километре от дачи родителей.

Но, как известно, женщина на охоте – хуже не придумаешь! Поэтому поход не удался. Вернулись без каких-либо результатов. Правильно! Озера замёрзшие (по метеопрогнозам синоптиков, весна в Сибири запоздалая), уток мало, девчонки хоть и старались не шуметь, но хруст в лесу стоял невообразимый. Напоследок постреляли по мишени в форме тетеревиного чучела, распотрошили его. Посмеялись.

На утро решили идти вдвоём.

После шашлыков, пива и баньки всех разморило, и спали непробудным сном. В шесть утра из-под одеяла вылезла рука и хлопнула по дребезжавшему будильнику. Спустя четверть часа Никита одевался, расталкивая братишку.

Шли неслышно. Быстро светало, заливая округу голубоватым туманчиком. Кукарекала вдалеке горластая птица, где-то стучал на срубе спозаранок работяга. Лаяли псы, разминая глотки, да бахали на соседнем озере двенадцатикалиберные «гаубицы».

Шли, тихонько подшучивая друг над другом и иногда размышляя о чём-то своём. Не брякали закреплённые ружья, не стучали в патронташах снаряжённые гильзы, не трескали под ногами ветки, не скрипели высокие сапоги. Шли тихо, но шустро.

Для интереса, вечный приколист и шутник Никита изготовленные кустарным методом патроны все подписал. Надписи и названия смешили, поднимали охотничий дух, развлекали: «Смерть оккупантам», «За Хуана Карлоса», «С новым годом», «За Сталинград», «Ядерная боеголовка», и так далее.

А продуктивным и успешным оказался «В помощь Лаосу». Внезапно взлетевшего селезня Никита завалил, как мастер спорта по стендовой стрельбе летящую тарелку. Птичка оказалась на удивление жирной и огромной. Больше за утро ни одного не подбили – «мигов» встретилось мало!

Обратно возвращались в десять утра, намотав километров пять по лесному массиву и покрытым лужами полям. Болтался на поясе селезень, переливаясь зеленовато-фиолетовой головкой и смущая красным пятном у крыла. Брёл, спотыкаясь, уставший, огорчённый собственной неудачей Денис, бросая завистливые взгляды на добычу брата. Тяжело сопели, преодолевая глубокие рытвины и засасывающую грязь бездорожья.

На опушке смешанного перелеска присели на кочку отдохнуть, полюбоваться природой, на которую поначалу из-за охоты особо не обращали внимания.

Вдалеке, за кромкой поля, на фоне бело-голубого полотна необъятного небосвода, чернел голый лес. Ослепительным блеском отражалось в мутных лужах солнце. Шумели и жутковато скрипели за спиной деревья, шелестел тонкими хрупкими ветками осиновый подрост, надрывалась в кронах ворона, защищая гнездо от трещающих, как немецкие автоматы, сорок.

Где-то очень далеко изредка стреляли, визжала циркулярка, лаяли, грохотали сбрасываемыми с машины цинковыми листами. Звуки перемешивались и гулким эхом разносились по местности. Ныл в небе грузовой «ИЛ», внося вклад в общую звуковую гамму.

Никита перебирал сухую травинку в руках, согнувшись и нависая над грязными коленями. Сколько раз мать говорила, что выкинет старые джинсы с рюкзаковой лямкой вместо ремня, но до сих пор не сделала, дорожа любой вещью сына.

Вот-вот набухшие почки берёз выпустят в свет своих питомцев, проклюнулась первая травка, радуя взгляд сочной зелёной плотью, зажелтели мать-и-мачеха и вербные серёжки. Душа стонала, сердце разрывалось от тёплых воспоминаний о прошлом, о походах и путешествиях, экскурсиях и отдыхе на природе. Канули в лета и многочисленные поездки на море, на курорты страны, и весёлые компанейские рыбалки, и сборы кровавой брусники, сладкой земляники, пузатых симпатичных боровичков. Растворилось в земной суете детство, минула бесшабашная юность, потекла в мирской суматохе напряжённая деловая жизнь молодого парня. Горели, буквально чесались руки, постанывало отчего-то сердце, гудели покрытые накипью непонятной злости нервишки. Но разум оставался кристально чистым и по-детски невинным.

– Пошли? – прервал хаотичные мысли брата Денис, закончив обдирать с берёзы берёсту. – Есть хочется!

– Давай, – вздохнул, поднимаясь, Никита и поправил за плечом родную двустволку. – Нас ещё ждёт работёнка.

– Какая? – спросил младший, но вопрос рассеялся в безответной пустоте, будто ни к кому и не был обращён.

Никита бодро шагал по лесной тропинке, петлявшей меж деревьев и тающей в бескрайних полях. Он о чём-то сосредоточенно думал.

Не отставал от старшего брата и Денис, стараясь ступать ровно след в след...

В субботу Никита с Татьяной собрались сходить в кинотеатр, но планы неожиданно изменились.

Жена уже завивала волосы, а Никита брился в ванной, втягивая носом душистый аромат «Палмолив», как вдруг затрещал звонок. Дверь открыла тёща, прытко проскользнув первой.

Как обычно по воскресным дням, на пороге стоял Вадим. Парень, любивший в жизни больше всего культуризм и шоколадные печенюшки, был лучшим другом Никиты Топоркова. Конечно, это звучит смешно и даже, может, глупо, но это так. Вместе учились в школе и институте, гуляли, занимались спортом (хоть и разным, но в одних местах), отмечали совместно праздники, если это происходило вне дома, не раз выручали друг друга.

Да и сейчас жили рядышком. Вадим дружил с девчонкой на пять лет младше его – симпатичной шустрой Ольгой. Жили вместе, да и любили вроде бы: он её, она... его! Но друг часто жаловался Никите на её вредный капризный нрав.

И вот теперь Вадим предстал перед Никитой испуганным, взволнованным и злым. Весь его вид и лицо в красных пятнах говорили о том, что он быстро бегал последние два часа, плакал и, судя по пене на обветренных губах, долго и выразительно с кем-то разговаривал.

– Что случилось? – встретил его Никита, недобрый и полураздетый, резко меняясь в лице.

– Никита... Ольгу изнасиловали... чуть не убили! – Вадим сжался в комок, уже не сдерживая слезы и глубоко вздыхая. – Ублюдки, суки... я ведь их рвать буду... я их...

– ...Бля! – вырвалось у Никиты, язык которого никогда не знал брани. Он встал, как вкопанный, опустив от ужасной вести руки и сжав челюсти.

– Никита, что такое? – подошла сзади к мужу Таня, расправляя неподатливый локон и внимательно наблюдая за реакцией обоих друзей.

– Ничего... милая, я потом скажу... иди, посиди в комнате!

– Но...

– Ступай! – повысив голос, сказал строго парень, подтолкнув любимую.

Только она неохотно исчезла за дверью спальни, Никита обратился к сверхугрюмому другу.

– Так. Я сейчас оденусь, ты подожди... Потом к тебе, там поговорим, и всё расскажешь подробнее...

– ... Там Ольга!

– Тем более идём к вам! Всё, жди, – бросил Никита и ринулся в спальню.

Наспех объяснив жене причину отлучки, сноровисто одевшись легко, не по погоде, и чмокнув в носик милую, он удалился вместе с другом.

Общоговская комната ветхой пятиэтажки, девяносто процентов жителей которой составляли люди кавказской национальности и рабочие средней технической специальности, встретила вошедших унылой траурной атмосферой. Ещё больше её усугубляли замусоренный палас, раскиданные там и сям вещи и обувь, неприятный мясной запах и урёванная до посинения Ольга, облачённая в ситцевый грязный халатик. Сразу бросилась в глаза её полуобнажённая грудь с огромным околососковым пятном, потрясывающаяся от каждого движения. Но Никита заставил себя контролировать взгляд.

– Оля, успокойся! Не закатывай истерику... Держи себя в руках! – скороговоркой выпалил Никита с ходу, скинув туфли и подсаживаясь на неубранную с утра кровать рядом с девушкой. Вадим обессиленной тушей рухнул на стул, потупив взгляд.

– Как же держи, когда суки эти...

– ... Спокойно, я сказал! – тряхнул Никита еле сдерживающую себя от психопатства подружку. – Я не понял, их было несколько, что ли?!

– Да! – крикнула бедняжка, умываясь слезами и растворённой в них тушью.

– По порядку рассказывай, подробно, до мелочей! А ты, – парень обратился к помертвевшему Вадиму, – сиди и запоминай хорошенько, чтоб потом повторять не пришлось. Наверное, с налёту ничего и не усёк?!

Дождавшись, когда друг примет более-менее заинтересованный вид, Никита ещё раз встряхнул Ольгу.

Через полчаса мученических расспросов, пыток и дознаваний картина изнасилования стала ясна, обдумана и обсуждена до состояния грубых набросков плана последующих действий.

Главный виновник уже не имел никаких шансов на дальнейшую здоровую жизнь, но был известен. Им оказался кавказец Асхат, который когда-то жил в этой общаге и, по слухам, работал на центральном рынке. Он не принимал прямого участия в изнасиловании, но кадр был из той компании. Другие четверо лиц «кавказской национальности» (хотя нет, среди них тусовался один русский) все являлись явными насильниками.

До полуночи ПДД, как называл Никита сокращённо любой намеченный план дальнейших действий, созрел. Почувывая неладное Таня долго не давала уснуть мужу, ворочаясь под тонким одеялом и нашёптывая занудные вопросы. Никита только сухо отнекивался да неровно дышал, обсасывая в уме элементы предстоящей операции. Заснули поэтому только в два часа ночи.

Коренастый, загорелый, как баранина на шампуре, горбоносый, как и все его предки, мужчина стоял у маленького зарешечённого окна и молча улыбался. Обнажённое по пояс волосатое тело играло мышцами. Зачёсанные назад смоляные волосы омрачала седая прядь. Мускулистые, по-борцовски развитые руки он сложил на груди и задумчиво смотрел через светлые портьеры на город. Смотрел и тихо смеялся, вспоминая вчерашнюю попойку, бесчинствующие выходки на улице, молодую девчонку, подвернувшуюся под горячий пыл компании, групповое траханье её в тёмном коридоре недостроенной школы. Чего только не испытает настоящий мужчина, мужчина с гор! Ему надо попробовать всё! И он не боится ничего!

Стоял и сверкал в ехидной ухмылке золотыми фиксами – этаким горный орёл на вершине Казбека.

Сзади скрипнула дверь, желваки стоящего у окна вздулись.

– Ашот, там девочки русские прибыли. Что надо сделать? – режущим слух разговором разнеслось по большой комнате двухэтажного коттеджа из красного кирпича, возвышающегося почти в центре города.

– Гони их, Чабан! – распорядился твёрдым голосом мужчина, названный Ашотом, но вдруг спохватился. – Хотя нет... Эй, Чабан! Веди их сюда – говорить будем!

Ашот поправил пояс спортивных штанов, сделал в воздухе неопределённый жест неизвестному, присел на буковый журнальный столик и закурил «Бонд». Он ждал девочек с двусмысленным выражением лица, на миг вспомнив опять вчерашнюю изнасилованную красотку. Вспомнил и забыл!

По деревянным ступенькам звонко цокали женские каблучки...

Центральный рынок воскресным днём в Шумени – всемирный день Потопа. Кого и чего здесь только нет! И опять же, посмотришь на национальность местных представителей торговли и ужаснёшься: Шумень – это столица какой-нибудь кавказской республики. Одни хачики, куда ни глянь! Здесь и так называемые беженцы из Чечено-Ингушетии, Дагестана, Карабаха и Абхазии, Таджикистана и Узбекистана; торгаши, прибывшие с караванами фруктов и овощей; наёмные рабочие-строители, подрабатывающие по выходным на базарах. Среди этого сброда – целые гильдии аборигенов из далёкого Китая: тихие, пришибленные, дешёвые, как и их продукция.

А сколько кругом бичей и бомжей?! Снующих по рынку, сбившихся грязными вонючими кучками на каждом углу, раболепски преданно заглядывающих в рот хачикам, готовых лизать зад этим новоявленным, уживающимся как пырей, «иностранцам» ближнего Зарубежья. Противно смотреть, как неприятный оборванец явно русского происхождения бежит с коробкой бананов за молодым ещё «мужчиной, воином, бизнесменом», ловит все его слова, исполняет все его желания за «штуку», «червонец», за пачку «Примы» или тот же банан.

Кричат, свистят, болтают на все лады, стучат, гудят, ржут – и весь этот гомон, гвалт наполняет атмосферу главных улиц города, прилегающий парк, соседние учреждения и здания. А запах фруктов, овощей, цветов распространяется ароматным облаком на всю округу. И люди, люди, кругом люди и машины! Один на рынок, чтобы купить апельсинчик, другой оттуда, боясь остаться без кошелька, третий внутрь за алыми помидорами, четвёртый не решается сунуться на базар, не зная, где оставить автомобиль (хочется опять потом его увидеть!). Туда спокойный и добрый за розами, обратно нервный и злой, часто расстроенный. Суматоха, хаос!

– Подстраховывай! – шепнул Никита Вадиму, строча беглым, но тренированно-отсеивающим, как у профессиональных телохранителей, взором по толпе людей. А сам, сооротив покупательско-озабоченную мину, перебирая пальцами ног в старых, потрёпанных кроссовках, поплыл в море тел.

По заранее указанному Ольгой ориентиру Никита не спеша причалил к лавке с обувью. Продавал её невысокий тощий карачаевец, отчаянно жестикулирующий руками и призывающий купить туфли иностранного производства. Это и был Асхат, один из насильников!

Никита, непринуждённо выбирая лучшие туфли, на миг представил, что сейчас творится в душе Вадима, до хруста в суставах сжимающего кулаки. Но парень знал, что подводить Никиту и нарушить ход операции нельзя, поэтому терпел и с трудом сдерживал себя, чтоб не кинуться и не оторвать этому чурке голову сразу.

– Вот эти ничего туфельки! – громко сказал Никита, притаптывая в выбранных «саламандрах» с рифлёной подошвой (старые кроссовки стояли рядом).

– Бери, дарагой, хороший туфель! – распинался оживлённый продавец, сделав дежурную улыбку на коричневом лице, утыканном мутными глазками.

– Беру, – откликнулся Никита, но уже в серьёзном строгом тоне, впилившись злым взглядом в хачика.

– Чэтырэста! – проинформировал Асхат, но встретил огненно-жгучий ненавидящий взор русского парня.

– Ну вот, ты и нашёлся, горный орёл! – тихо проговорил Никита, но Асхат услышал каждое слово неожиданного карателя.

Его лицо приобрело синеватый оттенок, белки глаз покрылись густой паутиной красных жилок, ноги задрожали.

– Что, чурбан, очко трясётся?!

Никита резко метнулся через прилавок к Асхату и схватил его за лацкан пиджака. Тот что-то быстро-быстро залепетал на своём наречии, пытаясь отбиться от присосавшегося русского, но парень сильно дёрнул захват и вытащил упрямого хачика из лавки. Но не успел сделать и первой попытки распорядиться его судьбой, как со всех сторон слышались полупо-

нятные реплики, угрозы, приказы, а к нему двинулось несколько человек явно без добрых намерений. Ещё бы: какой-то молодой наглец с огромным носом и шрамом на скуле (искусственными, конечно) прямо в центре кавказской братии имеет смелость начинать разборки с их земляком и товарищем! Это неслыханно! И они были правы! Но уж слишком привыкли «чёрные» к такому мировоззрению, чересчур долго и свободно чувствовали они себя хозяевами рынка!..

– Вот что я тебе скажу, цхенвале! – ответил Никита на очередную фразу недовольного кавказца, подтрунившего к нему в числе первых. – Не лезь не в свои дела!

– А?

– Не мешай, понял?!

– Какой плохой зэмляк!.. – начал тот.

– ... Шакаль тэбэ зэмляк, дарагой! – передразнил Никита хачика и дёрнул было Асхата, чтоб свалить с рынка, но не тут-то было.

Житель гор схватил парня за тренерку, что-то лопоча на своём наречии, другие прикнули к нему. Никита собрался ответить. И в эту секунду появился Вадим, да ещё как заявил о себе!

Коротко развернув кавказца, он сильно, так что деформировался сустав безымянного пальца, вплепил кулак в его челюсть. Бедняга рухнул на лоток с семечками, создав ужасный кавардак.

Пока Вадим совершал очередной двойной удар локтем и предплечьем другому желающему подраться, Никита потерял на секунду бдительность, за что тут же поплатился. Асхат, трепыхавшийся в зажиме стальных рук, больно ударил парня в пах и саданул растопыренными пальцами в глаза, затем бросился наутёк, падая и спотыкаясь среди товарных рядов и десятков людей.

Секунда прихода в сознание, секунда на оценку ситуации, а ещё через одну Никита кинулся в погоню, грубо оттолкнув пару «защитников».

Вадим в это время, получив пару ударов, озверевший, метал подвернувшиеся тела в стороны, громко матерился и орал, уже не рассчитывая сил. Последний козырь его безопасности и победы лежал в кармане – переданное ему Никитой удостоверение сотрудника Федеральной Службы Безопасности Колонкова, изъятое у покойного Бондаря. Случайно или нет, но надо отметить: неизвестный Колонков был очень похож на Вадима, у которого и фамилия тоже начиналась на «КОЛ». Поэтому Никита на время и отдал «корочки» другу.

– Это сопротивление органам! – громко сообщил Вадим в последнюю минуту побоища и раскрыл красное удостоверение ФСБ. – Изнасилование, укрывательство, пособничество и другое. А ну, пошли все на..., суки грёбанные!

И страшная «книжечка», и страшный крепкий парень, и резкая обстановка возымели своё: толпа отхлынула, попятилась, заредела.

– Всем оставаться на местах, ничего не трогать! – крикнул парень, пряча во внутренний карман фальшивое удостоверение и устремляясь в сторону убежавших.

Никита догнал Асхата у закрытого рынка, благодаря ловким юрким движениям и короткому пути через одёжные лавки и ремонтируемую лестницу торгового павильона. Пара ударов кулаком – и молодой кавказец повалился на асфальт, постанывая и причитая.

И тут же за него опять заступились!

– Почему они все тебя защищают? – подумал вслух Никита, без всяких переговоров и замешательства выбивая первого из заступников. Кавказец в кожаной куртке, с широким кольцом на пальце, аж подлетел и, теряя сознание, ломая конечности, рухнул мешком в ящики с фруктами.

Другой, седой и кучерявый, с еле заметным брюшком, последовал за земляком. Его Никита поверг «вертушкой», ступнёй в лицо.

Третий хачик получил ногой в солнечное сплетение и зарылся в сетках с луком.

Ещё один выпрыгнул в прыжке каратэ, но стремительный Никита опередил его и встретил боковым, ребром ноги в живот. Связка ударов закончилась рубящим нокаутирующим.

– Говори, ублюдок, где остальные твои... Лучше говори, дорогой! – сказал Никита в ухо судорожно дёргающегося Асхата, помогая тому приподняться. Видно в свалке тому досталось!

– Говори, сука! – заорал парень в ответ на бессвязную нерусскую речь, грубо шлёпая по щекам.

– Челюскинцев 30, крясный коттедж... Ашот, Гасан, Володя и Чабан... – пролепетал изнывающий от страха Асхат, тупо поглядывая на Никиту.

Но вдруг по его расширившимся зрачкам Топорков в доли секунды догадался об угрозе сзади и сделал выпад вправо. Ящик с размаху, зацепив плечо парня, разбился о голову Асхата, отчего тот чуть не отдал кранты, заверещав от боли, Никита ответил боковым проникающим с разворота. Нападавший кулём ушуршал в лотки с апельсинами и яблоками.

Ещё двое выросли перед парнем. Но тут подоспел Вадим, тыча в лицо зевак «корочками», отпихнул одного из угрожавших ему газовым баллончиком хачиков и крикнул что-то другу.

И тут Никита заметил метнувшегося прочь Асхата. «Живучий, собака» – подумал парень, устремляясь за ним и поскользнувшись на разбросанных в драке бананах. Он ловко сгруппировался, отделавшись небольшим ушибом плеча (задетого ящиком!), вскочил и продолжил преследование, но заметил, что расстояние между ним и трусливым торговцем резко увеличилось.

Сзади Вадим остался наводить марафет, а Никита очутился с внешней стороны рынка, окружённой синими коммерческими ларьками.

Зорким охотничьим взглядом он нашёл поверх голов массы людей нужную, быстро удаляющуюся в сторону остановки спину. Затем увидел, как обезумевший Асхат, чувствуя неожиданную свободу, ринулся через дорогу для маршрутных автобусов. Прямо под колеса начавшего торможение «Икаруса».

Услышав скрип колёс, сигнал клаксона и визг женщин возле проезжей части, Никита сразу обо всём догадался. Имитируя спокойного обычного прохожего, остановив выскочившего прямо на него Вадима, он медленно направился в противоположную от места происшествия сторону. Друг, недоумевая, последовал за ним. Так они и шли, размеренно шагая по тротуару и потирая ушибленные места.

Асхату повезло, если так можно выразиться! Повезло, что остался жив. Повезло, что автобус уже тормозил перед остановкой, что попал не под колёса, а под передок, сбивший его. Но какой ценой! Сотрясение мозга, переломы черепа, ключицы и предплечья, два треснувших ребра и куча ушибов. Инвалидность на всю оставшуюся жизнь!..

Около семи вечера, когда солнце засело за крышами двухэтажных домов и кронами серых тополей, в стоящей на улице Челюскинцев у дома номер 51 (что напротив дома 30) «восьмёрке» оживилась возня. Двигатель завёлся, но не с первого раза. Тонированное боковое стекло водителя опустилось, и в глубине машины показалось трудно узнаваемое, хорошо загримированное лицо Топоркова.

Затем оконный проём затмила чёрно-зелёная прямоугольная коробка с двумя отверстиями на торце, напоминающими сопла космической ракеты. Это была РРПУ «Оса», принятая на вооружение морских десантно-диверсионных отрядов спецназначения в прошлом году. Ещё такие штуки появились в Чечне, но только, что странно, у боевиков Саманова.

Два часа наблюдения за коттеджем с цифрой на табличке «30» не пропали напрасно: на втором этаже кирпичного замка были замечены айзер, какая-то шалава, затем задёргивал шторы балконной двери ещё один хачик – это Никита видел в окуляр «УБН-40», которое часто использовал при слежке за представителями «ДЕСЯТКИ».

Рыжая грудастая «соска» делала Ашоту минет, отчего тот утробно мычал и грубо сжимал ей голову. Это было любимое занятие бригадира Геймуратовской группировки.

Рядом, на кушетке, покрытой махровым одеялом, пыхтели и голосили Гасан с худенькой беленькой Людочкой. Последняя усердно скакала на чёрном толстоватом хачике, изредка поправляя в себе его член, норовивший выскочить наружу. Гасан жадно, торопливо и больно мял ей маленькие, но аккуратные груди с торчащими, готовыми проткнуть ладони сосками.

В дальнем конце зала, на массивном плюшевом диване, за скрывающей от остальных членов компании спинкой орудовали друг с другом Чабан и русский парень Володя Чмагин, двадцати восьми лет от роду. Зрелище было противным и ужасным, но кое-кому это доставляло неопишное удовольствие.

За дверью подслушивал «охи» и «ахи» водитель «мерса-280», автомобиля Ашота. Она-нирывать ему не хотелось, участвовать он не мог, поэтому молча глотал в пересохшем горле слюну...

...Залп из обоих стволов «Осы» оставил над улицей только тоненькие дымовые полоски. Мощные фугасные ракетные заряды разорвали помещение с развлекающейся компашкой, выплеснули через окна и двери коттеджа огненные тучи, куски плоти и обломки мебели. Страшное жгучее облако моментально рассеялось, оставив дом полыхать, как целиком зажжённый спичечный коробок.

Захлопнулась дверца, предусмотрительно открытая для отдачи залпа и звука, и машина с тонировано-зеркальными стёклами, набирая скорость, помчалась по улице.

Трещал огонь, валил удушливый дым, застилая соседние коттеджи, да кричали редкие в фешенебельном районе простые смертные горожане, ставшие очевидцами очередных разборок.

Мсть свершилась!..

...Их осталось только трое: Никита, Олег и Маринка. От отдельного сводного отряда партизан!

Чернел сумеречный лес, гнулась к земле от ветра сухая осока, перешёптывались недовольно пожелтевшие листья березнячка напротив. Где-то за чащей трещал МГ, бабахнула граната, и эхо взрыва гулом пронеслось по всему массиву.

Беззвучно и смело сквозь деревья и кусты шли немцы, и от безмолвной надвигающейся опасности становилось ещё страшнее.

Вскоре стали заметны свастика и знаки различия на тёмно-серых шинелях, видны черные отверстия стволов их автоматов, неверно называемых в народе «шмайсерами».

– Готовы? – спросил Никита, грея дыханием руку.

– Готов, – ответил Олег, припадая к прикладу «ручника Дегтяря».

– Да! – отозвалась пышная румяная Мариночка, поводя ППШ.

– Ну и я тоже... готовность номер один, – вздохнул Топорков и, прицелившись, нажал спусковой крючок.

Его длинную очередь из пулемёта подхватил шквал огня друзей. Немцы повалились на землю, энергично выискивая укрытия, но таковых было мало: чистый молодой сосняк. Десяток фрицев сразу выбыл из списка живых. Другие корчились от боли, третьи вжимались трусливо в хвою. От бывалой храбрости не осталось и следа. Ещё бы немного – и фашисты отступили, но...

...Никита проснулся. Показалось ему или нет, он не мог сказать. В последние смутные доли секунды сновидения парень отчётливо различил глухой шлепок между ним и Олегом немецкой противопехотной гранаты. Затем крик друга и медленно-медленно разрывающаяся оболочка с толстой деревянной ручкой. Так медленно, что видны были разделяемые неведомой силой металлические осколки, несущиеся в разные стороны. И всё!

Никита перестал ёрзать в кровати и попытался снова уснуть, но вдруг подумал: а стоит ли. Наверняка сон кончается не самым лучшим образом. Что было делать? Никита нашёл выход: стал ласкать и нежить любимую женщину. Татьяна потянулась, вздохнула от неожиданного удовольствия и крепче прижалась к мужу.

Когда через пятнадцать минут Никита почувствовал на своих пальцах тёплую влагу возбуждённой спозаранок милой супруги, та и вовсе потеряла сонливость. Мягкие тонкие руки обвили мужа и извивались по его телу лианами, губы сами находили неприкосновенные места, возбуждая эрогенные зоны. Никита неожиданно сморщился.

– Ой, извини, Никит! Больно? – шепнула Таня, слегка ощупывая синюшную ссадину на его плече.

– Да так, чуть-чуть.

– Милый, хороший мой! Мой мальчик! – ворковала девушка, поглаживая миниатюрной ладошкой мужское тело.

Размеренно тикали настенные часы с позолоченной стрелкой (другая была серебряной, а третья в виде хрусталинки), пошумела с минуту ТЭЦ, выпуская какие-то пары по утрам и шипящим эхом оглашая пол-Шумени, по комнате с зашторенными окнами разносился аромат бордовых роз, подаренных жене на небольшой семейный праздничек – полугодие совместной жизни.

– Кстати, ты не рассказал ещё, дорогуша, где ты взял эти туфли! – заявила Татьяна увлечённому эротической игрой мужу.

– Там уже нет! – были единственные слова Никиты заведённой девушке, балдевшей от ласк.

– О-о, где мой Малыш?! – спросила она игриво, и, нащупав торчащий монументом мужской орган, защebetала ангельским голоском. – Вот он, мой Мальчик, мой Малыш, такой хорошенький! Какой он стал!

Через мгновения Никита вошёл в любимую. Осторожно, чуть раздражая разгорячённую жену, глубоко и легко. Вот это была любовь! Вот это был секс! Вот это гонки!..

За праздники, посвящённые Дню Победы, длившиеся целых три дня, Никита снова вплотную занялся Чисткой города, сделав много полезных приготовлений. Повторил и набросал схему наблюдений за третьей жертвой, подстраховался, проанализировал. Попутно вышел на готовящуюся сделку с привлечением крупной суммы денег, причём аферу затевал один из членов «чёрного списка». Но подробнее и доскональней Никита решил расследовать это чуть позже: время и обстоятельства позволяли.

Посетил старого знакомого Агеича. Старик имел первую группу инвалидности, и неотъемлемой частью его тела стала кресло-каталка с механическим ручным приводом, придуманным самим хозяином. И вообще, Агеич был мастер на все руки. Всегда в доме всё делал сам, и широта его познаний и творений поражала. И секретные запоры дверей, и сигнализация окон, и механические приводы сантехузлов и кранов, и многое другое – всё в доме создал он своими золотыми, крепкими, как балки, руками. Когда-то Агеич и Никита ездили на рыбалку (тогда ещё жив был дед). Агеич и дед Никиты дружили много лет, пока их не разлучила смерть второго.

Теперь парень редко приходил к седовласому сухому старичку, мирно похрапывающему в кресле на колёсах, очень редко. И за это Топоркову было стыдно.

Вот и в этот раз Никита, закупив провизии и «Беломора», побывал у добродушного знакомого. После долгих нудноватых разговоров Никита перешёл к главному, за чем и явился:

– Агеич, дорогой, мне штучку одну надо сделать. Ты бы не помог?

– А что надо, сынок? Всё сделаю, что захочешь! – отозвался бодро и заинтересованно старичок.

– Я могу набросать рисуночек... что я, в принципе, уже и сделал. Вот, – парень развернул листок бумаги и стал объяснять деду детали, при этом внимательно следя за ним исподлобья, – в таком вот корпусе нужно разместить стальную иглу, ну, спицу там, стрелу арбалетную. Короче... чтоб пневматика была и стреляло хорошо, сильно... можно недалеко...

– ... Зачем тебе, Никита, это? – старик поднял брови, продолжая с любопытством разглядывать схему.

– Да знаешь... Помнишь я стрелял из твоего арбалета, мы ещё спорили насчёт его неудобства и тяжести? Так вот, я хочу свой такой же иметь! Пострелять там, жену поучить... ну...

– ... Так я тебе дам свой, – перебил Агеич парня, искоса взглянув на него, – зачем такой-то делать?!

– Ну, понимаешь, надо... очень! – засмутился растерянный Никита, поводя плечами и скрывая лживые глаза.

Старик долго и пристально всматривался в парня, затем как-то холодно, уже чужим взором, уставился на схематичные наброски. Никита чувствовал: в светлой седой голове гудит рой мыслей, с губ деда готов сорваться вопрос, и не один, поэтому поспешил закруглиться:

– Ну ладно, Агеич, я пойду... Не надо тогда...

– ... Оставь! – хлопнул ладонью по листочку с рисунком старик, опередив руку парня. – Хорошо, сынок, я сделаю это!

– Агеич...

– Иди, ты же к матери торопился. Ступай, а за этим, – Агеич неожиданно улыбнулся, – придёшь после праздников. И не волнуйся, никто об этом не будет знать! Я же вижу, о чём ты хочешь сказать! Не бойся, сынок, иди.

– Спасибо, дед! С праздником тебя ещё раз! Пока, – пожал Никита мозолистую жёлтую руку старика и, прихватив пустую сумку, удалился.

– А ведь у меня, старого пердуна, никого, кроме этого парня, и нет! – прошептал Агеич и крепко задумался.

Обратно Никита ехал в автобусе, крепко сжав поручень и кося заинтересованным взглядом на девушку с опасным разрезом на юбке. Он смутно представлял завтрашнюю операцию, сосредоточивая всё внимание на этой куколке. Он не был Мэлом Гибсоном или Томом Крузом – простой, среднего роста (в наше время 180 – уже средний рост!), весёлый парень с добрым приветливым взглядом. Очень ненасытный и любвеобильный!

Никита хотел всё и всех – от бабочки, порхающей в знойном воздухе, до Клаудии Шиффер, смотрящей на него с плаката в автобусе. Здесь, в толпе, никто не догадывался о его желаниях. А между тем автобус мог взорваться от переполнявшей его страсти!

...Его сумасшедший, сверлящий, раздевающий донага взор встретился с другим. Зелёные глаза. Глаза женщины. И что это была за женщина! Ей было (Никита узнал гораздо позже) 42, но выглядела она на 30. Стройная, божественно красивая, с большими прекрасными глазами и чувственным ртом. Чистое почти без грима лицо, русые волосы, аккуратно заколотые наверху; дорогой французский костюм, изумительно подчёркивающий все линии тела, и... обручальное кольцо на безымянном пальчике. «Окольцована!» – сказал парень себе и заметно расстроился, хотя понимал, что ему ничего не светит в отношении этой дамы.

Вот только её взгляд... Он привораживал, испепелял, убивал на месте! В нем было столько желания, что Никита невольно или намеренно «прилип» к ней. «Если она сейчас выйдет, я умру. Нет, я пойду за ней... просто пойду. Только понаблюдаю, и всё».

Автобус остановился, и она не спеша (даже, показалось, нехотя) вышла. Никита за ней. Они пересекли пару улиц. Она ни разу не обернулась. Во всех её движениях – поправляла ли причёску, меняла ли руку с сумочкой – сквозила сексуальность. Желание любить и быть любимой.

Так незаметно они очутились в подъезде престижного дома – «свечки», где раньше, по слухам, жил мэр. В лифт Никита зашёл с ней. У него заколотилось сердце – так близко она стояла. Спокойно и непринуждённо смотрела парню прямо в глаза, а он не мог найти себе места, переминаясь с ноги на ногу. Затем её взгляд упал на его особый джинсовый карман, оттопыренный, лопающийся по швам, и она чуть заметно улыбнулась.

– Боже! Куда я лезу?! Куда подевался мой стыд?! Всё! – сказал Никита себе. – Сейчас выхожу, спускаюсь вниз, и...

– Мартини будешь? – неожиданно спросила она.

– Что-о? – парень чуть не поперхнулся глотком воздуха.

– Есть хочешь? – женщина лукаво облизнула верхнюю губку, и этот жест Никита повторил по инерции.

– Я хочу... но не есть, – выдавил его пересохший от волнения рот. Она улыбнулась ещё раз. Лифт замер. Они вышли и упёрлись в обитую кожей дверь. Она отперла, парень ошалело брёл за ней.

– Мужа нет, а мне нужна помощь... Твоя помощь! – произнесла богиня, сбрасывая туфли и опасно наклонившись.

– Я всё сделаю! – вырвалось у Никиты, и он почувствовал, что краснеет (это у него-то, покорителя девичьих сердец!). Когда он стаскивал с неё юбку, она резко остановила его:

– Подожди, малыш!

Никита понял, что сделал какую-то ошибку, ответил извиняющимся жестом, но гримаса, скорее, получилась удивлённой.

– Что бы ты ни делал со мной... я останусь в бюстгальтере.

– Хорошо.

Парень принялся старательно и нежно целовать её тело, все уголки её бархатистой кожи, приятно источавшей аромат «Пуассона». В сторону полетели юбка, блузка, колготки и ажурные розовые трусики. Он задыхался, умирал, но пересилил стремление жадно наброситься на неё и быстро овладеть. Он должен быть лучше, сильнее, сексуальнее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.